Т 984/56

III 3/55

3
Г98 4/56

ихъ—
ли. —
какъ
чѣмъ
телей
. Про
о. Ея
ie его
ьями
огнѣ-
Вла-
пос-
ловъ.
Вла-
ѣ.—
ь на
а въ
ковь
и съ
вя-
лавъ
авъ
ита
етъ

Бестужев-Рюмин Г98 4/5б

О КРЕЩЕНИИ РУСИ, О ВЛАДИМІРѢ СВЯТОМЪ, О СЫНОВЬЯХЪ ЕГО И ОБЪ МОНАСТЫРѢ ПЕЧЕРСКОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1864.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ..... г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Октября 1864 года.

ГОСУД. РОССС. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИО
№ 26059
10 - XI - 1930

Типографія Товарищества «Общественная Польза», у Круглаго рынка, № 5.

ЧТО ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ ПОВѢСТИ.

Откуда произошелъ Русскій народъ.—Про предковъ нашихъ—Славянъ.—Кто у нихъ враги были.—Какъ наши предки жили.—Про вѣру языческую. Какіе боги водились у Славянъ и какъ они назывались.—Кому платили подать наши предки и зачѣмъ они призвали первыхъ князей.—Про Кіевъ.—Про первоучителей славянскихъ.—Первые князья русскіе.—Про Олега вѣщаго. Про Игоря. Про воеводу Свѣнельда. Про Св. Ольгу—Премудрую. Ея крещеніе во св. вѣру. Про Святослава и битвы его. Свиданіе его съ Цимисхіемъ. Смерть Святослава. Битвы между сыновьями его.—Про князя Владиміра — красное солнышко.—Про Рогнѣду.—Про первыхъ русскихъ мучениковъ за святую вѣру.—Владиміръ вознамѣрился принять святую вѣру. Его бесѣды съ послами отъ разныхъ вѣръ. Собираетъ совѣтъ. Посылаетъ пословъ. Вѣра греческая плѣняетъ князя.—О томъ, какъ крестился Владиміръ и какъ крестилъ онъ народъ русскій въ рѣкѣ Днѣпрѣ.—Бунты народа русскаго противъ новой вѣры.—Про волхвовъ на Волгѣ въ Новгородѣ.—Какъ распространялась вѣра Христова въ Ростовской землѣ, въ Муромской землѣ, у Вятичей.—Про церковь Св. Богородицы въ Кіевѣ.—Про Печенѣговъ и про битвы съ ними.—Смерть Владиміра Святаго и Равноапостольнаго.—Святополкъ Окаянный. Убіеніе св. князей Бориса и Глѣба.—Ярославъ мститъ за смерть братьевъ.—Про Мстислава Удалаго.—Ярославъ издаетъ первые русскіе законы. Ставитъ перваго митрополита русскаго. Заводитъ первыя училища. Передъ смертью пишетъ

завѣщаніе дѣтямъ.— Св. преподобный Антоній Печерскій. — Св. преподобный Ѳеодосій Печерскій. Житіе его.— Про святыя пещеры кіевскія и про святыхъ подвижниковъ ихъ.—Св. Варлаамъ.— Св. Никонъ.—Св. Ефремъ.— Про Печерскую обитель и строгость общежитія.

О КРЕЩЕНІИ РУСИ,

О ВЛАДИМІРѢ СВЯТОМЪ, СЫНОВЬЯХЪ ЕГО

И

МОНАСТЫРѢ ПЕЧЕРСКОМЪ.

—

15-го іюля празднуемъ мы память святаго равноапостольнаго князя Владиміра, а равноапостольнымъ онъ названъ за то, что крестилъ русскую землю и стали съ той поры русскіе люди христіане, а прежде были идолопоклонники: идоламъ поклонялись, а въ истиннаго Бога не вѣровали. Какъ же жили люди русскіе до крещенія, какъ крестилъ ихъ Владиміръ и какъ вѣра православная принялась въ русской землѣ—обо всемъ этомъ мы и поговоримъ теперь.

Русскій народъ племени славянскаго и вмѣстѣ съ братьями своими, другими славянами—поляками, чехами, болгарами, сербами и другими—пришелъ въ свою теперешнюю землю во времена незапамятныя изъ странъ сосѣднихъ съ богатою Индіею, о которой въ пѣсняхъ поютъ и гдѣ теперь англичане владѣютъ. Называются эти всѣ народы однимъ именемъ, славяне, потому что, съ какимъ изъ нихъ ни заговоримъ по-русски, каждый пойметъ насъ хоть немного; а заговоримъ съ нѣмцемъ, такъ если онъ не учился по-русски, то совсѣмъ не пойметъ. Оттого и называютъ его нѣмцемъ—

нѣмымъ. Жили сначала славяне по Дунаю и до-сихъ-поръ въ пѣсняхъ поютъ о *тихомъ Дунаѣ*, да пришли разные другіе народы и прогнали ихъ съ Дуная; тогда поселились они дальше, на полночь, а послѣ, впрочемъ, часть ихъ (сербы и болгаре) опять пробралась къ Дунаю, тамъ и живетъ до-сихъ-поръ. Тѣми дунайскими славянами завладѣли турки и до-сихъ поръ держатъ ихъ подъ своею властью.

Много было славянъ и велика была земля ихъ отъ Эльбы (р. въ землѣ нѣмецкой) до Волги, отъ Балтійскаго моря и Ильмень-озера до Дуная и моря Чернаго, да погубило славянъ то, что жили они не въ ладу между собою, а каждый особнякомъ, да еще ссоры завязались между ними: воспользовались этимъ нѣмцы, покорили себѣ многихъ славянъ и онѣмечили ихъ, такъ что теперь только по названіямъ городовъ да рѣкъ, да по старой памяти можно догадаться, что жили тутъ когда-то славяне; за то русскіе люди разошлись по такимъ землямъ, гдѣ прежде славянъ и не слыхали: заняли всю Сибирь и сдѣлали ее русскою. Здѣсь некогда намъ разсказывать о другихъ славянахъ и о томъ, что̀ было съ ними, мы помянули о нихъ только къ слову, а поговоримъ о славянахъ русскихъ. Поселились они по рѣкамъ: Днѣпру, Волхову, Припяти, Окѣ и другимъ, и назвались разными именами: которые поселились по Днѣпру, около Кіева, назвались поляне; которые поселились по Двинѣ (той, что̀ пала въ Балтійское море) да по верховьямъ Днѣпра, назвались кривичи; которые жили у Волхова около Новгорода назвались славяне; въ лѣсахъ (Волынской губерніи) поселились древляне.

Были и другіе, о нихъ скажемъ, когда придется къ слову.

Славяне любили больше жить въ деревняхъ, а не въ городахъ. Города ихъ: Кіевъ, Смоленскъ, Новгородъ, Черниговъ были обнесены деревянною стѣною или окопаны валомъ и строеніе въ нихъ было все деревянное: лѣсу было тогда вдоволь и въ лѣсахъ водились звѣри, которыхъ теперь и не слыхать въ нашихъ краяхъ, хоть бы бобры. Лѣса были дремучіе, непроходимые, оттого ѣздили больше рѣками: такъ все рѣками спускались отъ Невы до Чернаго моря: Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, Ловатью и потомъ волокомъ (сухопутьемъ) въ Днѣпръ; а оттуда въ Черное море и въ Цареградъ; изъ Мурома въ Кіевъ ѣхали Окою, Угрою, потомъ волокомъ къ Смоленску и Днѣпромъ спускались въ Кіевъ. Сухопутьемъ почти что и проѣхать было нельзя: славились лѣса муромскіе и брянскіе, грязи и топи смоленскія. Оттого до-сихъ-поръ въ пѣсняхъ поминается, какъ богатыри рубили лѣса и мостили мосты калиновые. Въ деревняхъ славяне жили въ раздробь, каждая семья особо. Вотъ какъ разсказываютъ о построеніи славнаго города Кіева. Были три брата Кій, Щекъ и Хоривъ; каждый поселился съ своею семьей на особой горѣ, построили городъ и назвали его Кіевъ, по имени старшаго брата. Городъ въ старину значилъ крѣпость, стало быть городъ построили затѣмъ, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятельскаго, снести туда всю свою рухлядь, а сами въ городѣ не жили. По Руси много и теперь сохранилось окоповъ (называются они *городищами*); тѣ окопы, должно быть,

и были такими городами. Иностранцы, которые видѣли тогдашнихъ славянъ, говорятъ, что они жили въ дурныхъ избахъ; камня у нихъ не было, да и строить каменныхъ домовъ нестоило: въ то смутное время нападетъ врагъ, все сожжетъ и разломаетъ, а деревянной избы не такъ жаль, какъ каменнаго дома. А враговъ тогда было много въ тѣ непосидныя времена: въ степяхъ между Волгою, Дономъ и Днѣпромъ, близь Чернаго моря, вѣчно кочевали народы, похожіе на нынѣшнихъ калмыковъ, которымъ привольно въ степи: съѣлъ скотъ весь кормъ—онъ идетъ себѣ дальше. А славяне въ то время, какъ уже сказано, жили маленькими племенами и, стало быть, напасть на нихъ, ограбить и заставить платить дань—было очень легко. У славянъ, которые жили по Днѣпру, были враги, это—кочевые народы, въ то время казары, потомъ печенѣги, а тамъ половцы, послѣ татары; у иныхъ изъ этихъ народовъ и города заводились: у казаръ—*Этель*, гдѣ нынѣче Астрахань, но все-таки по быту и привычкамъ они оставались похожими на народы кочевые.

У Новгорода были свои враги: за моремъ, гдѣ теперь Швеція, жили варяги; земля у нихъ бѣдная, а они были храбры, хорошіе мореходцы и стали они заниматься войною, вели ее сами отъ себя, или нанимались къ тѣмъ, кому нужно бы вести войну. Былъ у нихъ такой обычай: если которому королевскому сыну не достанется наслѣдства, онъ наберетъ удальцовъ, приготовитъ корабль да и плыветъ съ ними, куда вздумаетъ, чтобы пограбить и повоевать. Такихъ удальцовъ называли *морскими королями*. По

ихъ вѣрѣ, только тотъ и попадалъ въ рай, кто убитъ въ бою. Провѣдали эти удальцы, что за Русью есть богатое царство Греческое, гдѣ городъ Царьградъ (нынѣче имъ владѣютъ турки), а у царя греческаго своего войска нѣтъ, и войско онъ нанимаетъ. Провѣдавъ это, стали варяги ходить въ Черное море по тому пути, о которомъ сказано и, по дорогѣ, конечно, притѣсняли славянъ.

Такіе сильные враги были у нашихъ славянъ, а сами они жили не въ кучѣ: земли было много, а народу мало; на бѣду еще и между собою они жили не дружно, такъ противъ враговъ не могли защититься. Занимались они хлѣбопашествомъ, водили пчелъ въ бортяхъ, а тѣ, кто жилъ въ лѣсахъ, ловили звѣрей. Шкурами, медомъ и воскомъ торговали они съ окольными народами, которые присылали имъ деньги и разныя фабричныя издѣлія. Гдѣ теперь Казань, жили тогда болгары. Эти-то болгары вели торговлю съ отдаленными землями и къ намъ по Волгѣ присылали разные товары; отъ нихъ-то и шли къ намъ, на Русь, деньги, эти-то древнія деньги и теперь находятъ въ разныхъ кладахъ. Дѣды наши боялись держать деньги при себѣ, а больше зарывали ихъ, оберегаясь отъ враговъ, чтобы не пришли да не ограбили. Тамъ, гдѣ теперь Пермь, жили другіе торговые народы: пермь, югра; отъ нихъ получали мѣха пушнаго звѣря, сибирскаго. Изъ Греціи получали наши славяне разныя дорогія ткани и вина, ихъ-то и продавали болгарамъ. Такой торгъ шелъ уже въ тѣ времена. Трудно было жить тогда купцу: ни дороги спокойной, ни

удобства какого; даже вѣсть передать трудно: почты не ходили, жди оказіи; постоялыхъ дворовъ тогда не знали, а зашелъ по пути во всякій домъ—угостятъ да и не возьмутъ ничего за то; не угостить странника считалось тогда нечестнымъ; даже украсть позволено было для гостя, коли своего ничего въ дому не случилось.

Въ каждой семьѣ хозяиномъ былъ отецъ или дѣдъ, если дѣдъ еще былъ живъ. Онъ распоряжалъ работы. Въ деревняхъ старики сходились на сходку и міромъ вершили всѣ дѣла и судъ судили. Въ городъ сходились на сходку изъ окольныхъ деревень; на этой же сходкѣ выбирали и князя (у нѣкоторыхъ племенъ были свои выборные князья). У одного изъ славянскихъ племенъ (въ нынѣшней Австріи) вотъ какъ встарину выбирали князя: выборы дѣлались въ рощѣ или въ полѣ, близъ большого камня. Выбрать надо было единогласно; для всѣхъ дѣлъ на сходкахъ, по тогдашнему *вѣчь*, нужно было единогласіе; потому сходки нерѣдко оканчивались дракою; если не соглашались долго, то позволялось старшимъ жечь домы и портить поля, чтобы показать, какъ плохо жить безъ судьи. Когда выбирали кого, то сажали его на камень и спрашивали: будетъ ли онъ судить по правдѣ, будетъ ли защитникомъ сиротъ? Домъ князя считался священнымъ; кто убѣжалъ туда, того не могли трогать. Князь пользовался такимъ почетомъ, что даже въ схваткахъ славянинъ не смѣлъ поднимать на него оружіе. Для суда князь ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ своего княжества, гдѣ къ нему сходились всѣ, кому было на что̀ пожаловаться. За убійство снача-

ла родичи убитаго мстили всему его роду и часто истребляли этотъ родъ до послѣдняго; потомъ, чтобы не проливалось много крови, стали откупаться деньгами (у насъ, вмѣсто денегъ, платили долго шкурами звѣрей). Князья были, однако, не вездѣ; иныя племена управлялись безъ князей, міромъ, въ другихъ князья выбирались изъ одного рода, какъ бы по наслѣдству. Писаныхъ законовъ не знали, а судили по старинѣ, какъ велось искони, потому и слушались стариковъ: имъ старина извѣстнѣе, они люди опытные, бывалые. Оттого-то и на сходкахъ сначала бывали только старики.

Старики же и богамъ молились за весь свой родъ. Сказано уже, что славяне истиннаго Бога не знали, а молились богамъ выдуманнымъ. Такъ было сначала и у всѣхъ народовъ, кромѣ евреевъ, которымъ данъ былъ Моисеевъ законъ, и было такъ до самаго Рождества Христова. Прежде люди, видя, что солнце ходитъ по небу, думали, что это богъ ѣдетъ въ колесницѣ; громъ гремитъ—это другой богъ ѣздитъ (и до-сихъ-поръ у насъ вѣрятъ, будто громъ гремитъ оттого, что Илья пророкъ катается по небу: это остатокъ язычества, только имя перемѣнили: вмѣсто Перуна, такъ звали прежде бога-громовника—говорятъ Илья), болѣзнь ли постигнетъ людей, это значитъ третій богъ стрѣляетъ изъ лука: въ кого попадетъ, тотъ и заболѣетъ. Не знали люди, что единый Богъ все установилъ въ своей премудрости и что, по Его святому слову, держится все въ мірѣ. У каждаго племени славянскаго былъ свой главный богъ; у насъ онъ назывался Перуномъ и былъ богомъ грома и молніи.

Кромѣ того, славяне покланялись солнцу и звали его *Даждь-богомъ,* придумали ему и отца и звали этого отца *Сварогомъ*, богомъ неба. Думаютъ, что прежде, когда еще они не усѣлись по мѣстамъ, они переходили и путь свой держали по звѣздамъ: оттого и придумали бога *звѣздистаго неба* и назвали его *Сварогомъ;* а потомъ, когда усѣлись, стали пахать землю, тогда для нихъ солнце стало нужнѣе звѣздъ, и стали они покланяться сѳлнцу и придумали, что солнце сынъ ихъ прежняго бога. Замѣтили они, какъ нужны грозы для удачи въ ихъ дѣлѣ, и стали покланяться богу грома, *Перуну,* и, какъ страшный богъ, онъ скоро сдѣлался у нихъ первымъ. Былъ у нихъ, должно быть, и богъ земледѣлія: у насъ въ пѣсняхъ до-сихъ-поръ поминается Микулушка Селяновичъ, у котораго:

Сошка была позолочена,
Омешки были булатные.

Богатырь Вольга ѣхалъ нѣсколько дѣнъ и все не могъ догнать ратая; только и остановилъ онъ его добрымъ словомъ. Послалъ онъ свою силу рать великую обрать ту сошку. Рать съ сошкою не совладала; подходитъ къ сошкѣ Микулушка и пихнулъ ее:

Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рогача въ землю:

Когда Илья Муромецъ собирается выходить на свой подвигъ, отецъ заповѣдуетъ ему не биться съ тѣмъ, съ другимъ богатыремъ, и говоритъ подъ конецъ:

Не бейся ты съ родомъ Микулинымъ,
Любитъ его матушка-сыра-земля.

Стало, Микулу чествовали въ старину на Руси.

У братьевъ нашихъ чеховъ и ляховъ есть тоже разсказъ о такомъ ратаѣ. Вотъ чешская сказка. Была у чеховъ княгинею вѣщая дѣва, Любуша, которая праведно судила народъ свой и до-сихъ-поръ еще вспоминаютъ объ ея судахъ. началъ народъ роптать на то, что правитъ имъ дѣвушка и просилъ ее выйти замужъ. Любуша сказала посламъ, которыхъ къ ней нарядили: «Ступайте на *Бѣлую* рѣку и тамъ на полѣ *стадницѣ* найдете вы ратая, который пашетъ двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ, тотъ человѣкъ и будетъ нашимъ княземъ». Дала она имъ въ проводники своего бѣлаго коня. Конь привелъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ ратай и палъ передъ нимъ на колѣни. Ратая звали *Премыслъ* (у ляховъ тоже разсказываютъ, что выбрали они когда-то себѣ въ князья *Премысла*). Прежде чѣмъ идти къ посламъ, сталъ ратай обѣдать и на соху положилъ свой обѣдъ: хлѣбъ и сыръ (вотъ и желѣзный столъ). Пока онъ обѣдалъ, быки поднялись на воздухъ, разсѣлась каменная гора, они въ нее ушли и гора опять сдвинулась.

Вмѣстѣ съ пахотою славяне разводили стада, и былъ у нихъ богъ стадъ *Волосъ*, и до сихъ поръ завиваютъ Волосу бороду, т. е. завязываютъ одинъ снопъ на полѣ.

Мертвыхъ своихъ иные славяне сжигали и ставили пепелъ въ столбахъ при дорогѣ. Послѣ похоронъ устраивали *тризну*, т. е. поминки, на которыхъ би-

лись и дрались между собою. Они вѣрили въ то, что душа живетъ и послѣ смерти думали, что душа является иногда къ роднымъ; а всегда души, по ихъ вѣрѣ, жили на островѣ Буянѣ, на море-океанѣ. На масляной до-сихъ-поръ поминаютъ усопшихъ блинами: это остатокъ язычества. Въ то темное время человѣкъ всюду думалъ видѣть боговъ: въ лѣсу—*лѣшій*, въ водѣ—*водяной*, въ домѣ—*домовой*; одинъ безъ помощи боговъ своихъ шагу ступить не смѣлъ и боговъ своихъ онъ считалъ такими же людьми, оттого и въ жертву имъ приносилъ разныя кушанья; встарину это называли *покормъ*. Сначала, однако, люди не дѣлали идоловъ, а только ходили на горы да въ лѣса и тамъ молились своимъ богамъ, а потомъ стали строить храмы и дѣлать кумировъ. Въ ту пору стали приносить имъ въ жертву животныхъ и потомъ, особенно когда появились христіане и стали говорить, что боги ихъ—дерево и есть одинъ Богъ на небѣ, стали славяне приносить и людей въ жертву.

Въ честь своихъ боговъ установили славяне праздники: авсень и коляда (передъ Рождествомъ); масляница, красная горка (когда чествовали весну); семикъ и зеленыя святки (Троицынъ день; зовутъ ихъ и русальями); купалу, когда, чтобъ очиститься, скакали черезъ огонь и искали траву папортникъ. На этихъ праздникахъ сходились парни съ дѣвицами, въ хороводахъ: выбирали каждый себѣ невѣсту; часто даже уводили, потому что встарину неохотно отпускали дѣвушку въ чужую семью. Когда такъ похищали дѣвицу, родныя ея часто гнались, догоняли, начиналась драка; иногда, съѣхавшись, мирились

и женихъ платилъ выкупъ, что̀ тогда называли *вѣно*. Потомъ уже у тѣхъ племенъ, которыя занимались земледѣліемъ, стали выдавать охотно и давать приданое. У славянъ было позволено имѣть много женъ; но такъ бывало только у князей да у богатыхъ, а у простыхъ людей было всегда по одной. Когда умиралъ князь, то, говорятъ, жены его сжигались съ нимъ. Жены не рѣдко ходили съ мужьями своими въ походъ у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя занимались войною, оттого и до-сихъ-поръ въ пѣсняхъ поминаются женщины-богатыри. «Сказка — складка, а пѣсня — быль»; въ пѣснѣ сохраняется память о томъ, что̀ было во времена стародавнія, да за давностью времени кое-что перепутано: одно то держится прочно и на вѣки сохраняется, что̀ записано; а что̀ остается только въ памяти, то можно и забыть и спутать, а все-таки въ памяти остается много такого, что̀ въ самомъ дѣлѣ было.

Такъ жили наши славяне, когда, за тысячу лѣтъ тому назадъ, начали брать дань варяги съ Новгорода и племенъ славянскихъ и финскихъ, которыя жили около него. Финны (чудь, чухны) старожилы нашей земли русской: пришли они сюда прежде славянъ, и какъ народъ мирный, робкій, отходили все далѣе и далѣе на сѣверъ (на полночь), потому что славяне, размножаясь все дальше и дальше, заводили свои селенія, а финны все отходили, и до-сихъ-поръ много ихъ живетъ между нами. Мордва, зыряне, чухны и другіе,—все это народы одного корени, всѣ говорятъ похожимъ языкомъ. Въ то же время казары положили дань на полянъ кіевскихъ и дру-

гія окольныя племена и заставили платить по бѣлкѣ со двора.

Надоѣло новгородцамъ платить дань варягамъ, вздумали они отъ нихъ избавиться; удалось имъ прогнать варяговъ и стали они попрежнему вольными, да не надолго: какъ и всѣ славяне, не умѣли они уживаться въ миру между собою; начались ссоры; родъ всталъ на родъ, не было у нихъ правды. Тогда, съ горя, они стали искать чужого человѣка, третьяго, который былъ бы судьею между ссорившимися, и отправили за море къ варягамъ — руси (должно быть не тѣмъ, которыхъ выгнали) и велѣли сказать имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядку у насъ нѣтъ; идите княжить и владѣть нами». Въ совѣтѣ съ новогородцами были *чудь* (финское племя, которое жило въ нынѣшной Эстляндіи, гдѣ Ревель, и Псковской губерніи), *Весь* (финскій народъ, жившій у Бѣлаго озера, тамъ его и слѣдовъ нѣтъ), часть *кривичей* (народъ славянскій, жилъ по Двинѣ и верховьямъ Днѣпра; города у него *Смоленскъ, Полоцкъ и Изборскъ).*

Пришли къ нимъ три брата: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*, и раздѣлили между собою землю: Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Это было въ 862 году, а въ 864 году братья умерли; Рюрикъ остался одинъ и посадилъ въ города людей изъ своей дружины, которые пришли съ нимъ. Прежде войска не было, а каждый князь собиралъ себѣ дружину изъ охотниковъ, и вмѣсто жалованья награждалъ ихъ землею, или данью съ разныхъ покоренныхъ народовъ, дѣлилъ съ ними добычу

съ завоеванныхъ земель, или поручалъ имъ судъ; а встарину за судъ платили судьѣ тѣ, которые посуду оставались виноватыми. Вотъ былъ и доходъ дружинѣ. Изъ дружины послѣ вышло дворянство.

Были у Рюрика два мужа: *Аскольдъ* и *Диръ*, и отправились они служить въ Царьградъ, куда всегда ходило такъ много варяговъ. И пошли они по Днѣпру, увидѣли на горѣ городокъ и спросили: «чей городокъ?» имъ отвѣчали: «были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ, построили городъ и умерли, а мы теперь платимъ дань казарамъ». Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, созвали къ себѣ варяговъ и сдѣлались князьями той земли. Отсюда задумали они идти уже не служить въ Царьградъ, а громить его: знали, что у царя греческаго много денегъ и надѣялись, что онъ дастъ имъ богатый выкупъ. Собрали они двѣсти лодокъ, а лодки тогда дѣлали такія легкія, что какъ дойдутъ до пороговъ днѣпровскихъ, то берегомъ переносили ихъ на себѣ. Собравши лодки, пошли на нихъ Днѣпромъ въ Черное море, а оттуда въ Царьградъ. Царя въ то время не было въ столицѣ; къ нему послали вѣсть, что пришли враги къ самому городу. Царь воротился и вмѣстѣ съ патріархомъ взяли ризу Богородицы изъ Влахернской церкви и погрузили ее въ море: сдѣлалась буря, разбила суда русскія и Аскольдъ и Диръ едва воротились въ Кіевъ. Говорятъ, что послѣ того они крестились. Дѣло возможное, потому что около этого времени переведено было на славянскій языкъ св. писаніе. Перевели его св. *Кириллъ* и *Меѳодій*, первоучители славянскіе. Они были братья, родились въ

македонскомъ городѣ Солунѣ (теперь въ Турціи); такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ было много славянъ, а грамотѣ они еще не знали, то св. Кириллъ, въ 855 г., составилъ для нихъ азбуку по образцу греческой; а какихъ буквъ у грековъ не достало, тѣ взялъ отъ другихъ народовъ. Проповѣдь свою св. братья начали съ сосѣднихъ дунайскихъ болгаръ. Болгаре были народъ сродственный туркамъ и татарамъ; они завоевали славянъ и назвали ихъ болгарами; а такъ какъ ихъ было мало, то они приняли языкъ славянскій и сами сдѣлались славянами. Меѳодій крестилъ ихъ князя Бориса. О Кириллѣ говорятъ, что онъ ходилъ проповѣдывать къ казарамъ, которые держались вѣры еврейской; переспорилъ тамошнихъ ученыхъ евреевъ, но все-таки не обратилъ казаръ. Главный же подвигъ ихъ былъ въ Моравіи. Тамошніе славянскіе князья: Святополкъ, Ростиславъ и Коцелъ владѣли не только Моравіею (теперь принадлежитъ Австріи), но и большею частью Венгріи. Венгры тогда еще кочевали въ степяхъ, около Урала, вмѣстѣ съ нашими башкирами, которые имъ и съ родни. Князья эти были христіане, только не было у нихъ учителя, который бы объяснилъ имъ священныя книги. Михаилъ послалъ имъ св. Кирилла и Меѳодія, и начали они переводить на славянскій языкъ книги священнаго писанія и другія нужныя для церковной службы. Скоро Кириллъ ушелъ къ болгарамъ, а Меѳодій остался въ Моравіи и сдѣланъ былъ епископомъ. Много нужды онъ перенесъ: возставали на него хулители, говорили, что не слѣдуетъ служить литургію на другихъ языкахъ, кромѣ тѣхъ, на кото-

рыхъ была надпись на крестѣ Христовѣ, т. е. греческомъ, латинскомъ (римскомъ) и еврейскомъ; но всѣхъ своихъ враговъ побѣдилъ Меѳодій и самого даже папу римскаго (тогда еще Римъ не совсѣмъ отдѣлился отъ Церкви православной) склонилъ на свою сторону и кончилъ святое свое дѣло; а плодомъ трудовъ его мы и до-сихъ-поръ наслаждаемся: слушаемъ божественную службу на понятномъ для насъ языкѣ, а не по-латынѣ, какъ у католиковъ.

Не долго христіане-князья Аскольдъ и Диръ владѣли Кіевомъ. Въ Новгородѣ умеръ Рюрикъ (879 г.) и оставилъ послѣ себя малолѣтнаго сына Игоря. Сына своего Рюрикъ поручилъ Олегу, кажется, родственнику своему. Олегъ и сталъ править, а Игорь до смерти Олега во всемъ его слушался, такъ что и жену ему Ольгу выбралъ Олегъ по своей волѣ. Случилось нѣсколько лѣтъ спустя, что надоѣло Олегу жить въ Новгородѣ; пошелъ онъ съ ратью, дружиною своею, внизъ по Днѣпру и заставилъ попутные народы платить себѣ дань и всюду поставилъ отъ себя намѣстниковъ. Пришелъ къ Кіеву, воинамъ велѣлъ спрятаться въ ладьяхъ, а самъ назвался купцомъ, и послалъ сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идемъ къ грекамъ отъ Олега и Игоря княжича; приходите къ намъ». Времена тогда были простыя: заѣзжему человѣку всѣ были рады и старались угодить ему, потому что заѣзжій человѣкъ бываетъ въ разныхъ сторонахъ и разноситъ и хорошую и худую славу. Пришли князья кіевскіе; тогда воины выскакали изъ ладей; Олегъ и сказалъ Аскольду и Диру: «Вы не князья и не рода княжескаго, а я рода княже-

скаго», и потомъ вынесъ Игоря и сказалъ: «Вотъ сынъ Рюриковъ». Тутъ и убили Аскольда и Дира. На могилѣ Аскольда поставили потомъ церковь св. Николая, а Дирова могила за церковью св. Ирины. И сѣлъ Олегъ въ Кіевѣ и назвалъ Кіевъ «матерью городовъ русскихъ». Окольныя племена онъ заставилъ платить дань: иныя смиренно покорились, другихъ онъ принудилъ силою.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; въ 907 г. собрался Олегъ на грековъ и пошелъ на коняхъ и на лодкахъ; лодокъ у него было двѣ тысячи. Пришли къ Царьграду; греки затворили городъ, а входъ въ гавань, которая въ Царьградѣ длинный заливъ, и потому называется *Золотымъ Рогомъ*, заперли цѣпью. Вышелъ Олегъ на берегъ и велѣлъ и лодки вывозить на берегъ, и стали жечь загородныя домы и церкви, а плѣнныхъ мучили, разстрѣливали, кидали въ море; тогда на войнѣ иначе и не поступали, особенно же идолопоклонники. Говорятъ, будто Олегъ велѣлъ воинамъ своимъ сдѣлать колеса, поставить суда на тѣ колеса и распустить паруса; поднялся попутный вѣтеръ, паруса надулись и русскіе подошли къ самому городу. Испугались греки и послали сказать Олегу: «Не губи города, а возьми окупъ». Съ послами прислали кушаній и питій разныхъ. Олегъ не принялъ этого угощенія: догадался, что оно съ отравою; взялъ съ нихъ Олегъ большой окупъ и заключилъ миръ. Когда шли назадъ, далъ Олегъ своимъ варягамъ паруса шелковые, а славянамъ крапивные (еще и теперь въ Сибири изъ крапивы ткутъ полотна). Вѣтеръ разорвалъ эти паруса и славяне сшили

себѣ, попрежнему холстинные. Пришелъ Олегъ въ Кіевъ съ большою добычею; люди встрѣтили его съ радостью и назвали *вѣщимъ* (мудрымъ).

Еще пять лѣтъ княжилъ Олегъ, наконецъ умеръ. Вотъ какъ разсказываютъ объ его смерти. Спросилъ Олегъ у *волхва* (колдуна): «Отъ чего я умру?»—«Ты умрешь отъ коня своего, котораго любишь и на которомъ ѣздишь», отвѣчалъ волхвъ. Олегъ повѣрилъ его слову и сказалъ себѣ: «не буду садиться на коня этого и не увижу его больше», и велѣлъ кормить коня, только не велѣлъ водить его къ себѣ. Прошло много лѣтъ, вспомнилъ Олегъ объ конѣ, призвалъ старшаго изъ конюховъ своихъ и спросилъ: «Гдѣ конь мой, котораго я велѣлъ кормить и холить»? Конюхъ отвѣчалъ: «Онъ умеръ». Олегъ посмѣялся надъ волхвомъ и сказалъ: «солгалъ волхвъ, конь умеръ, а я живъ», и велѣлъ вести себя къ тому мѣсту, гдѣ лежали кости коня. Когда пріѣхалъ къ тому мѣсту, увидѣлъ кости, сошелъ съ коня и ставши ногою на черепъ конскій, сказалъ смѣясь: «Не отъ этого ли черепа умру?» Изъ черепа выползла змѣя, ужалила Олега и онъ умеръ. Конечно, все это сказка; только стало быть въ то время всѣ вѣрили этому.

Послѣ Олега сталъ править Игорь; онъ два раза ходилъ на грековъ. Одинъ разъ собралъ Игорь десять тысячь лодокъ и сталъ съ своими воинами грабить и жечь по берегамъ Чернаго моря: жгли города, села, церкви, монастыри; кого полонили, тѣхъ разстрѣливали изъ лука стрѣлами, связывали и вбивали въ голову гвозди. Потомъ, когда греческое войско собралось, оно разбило Игоря и заставило его уйдти къ лод-

камъ; но этимъ не кончилось: греки знали секретъ (теперь потерянный) такого огня, который въ водѣ не гасъ; этотъ-то огонь пустили греки на лодки Игоря: немногіе спаслись и, воротясь домой, разсказывали: «у грековъ есть огонь, похожій на небесную молнію; этимъ-то огнемъ они жгли насъ, а потому мы ихъ не одолѣли». Черезъ три года собрался Игорь отмстить грекамъ и опять пошелъ на нихъ. Дошла о томъ вѣсть до царя и послалъ онъ сказать Игорю: «Не ходи; дамъ тебѣ окупъ, который далъ Олегу». Игорь дошелъ въ то время до Дуная и, созвавъ свою дружину, сталъ съ нею совѣтоваться. «Если такъ говоритъ царь—сказала дружина—то чего лучше, не бившися взять серебро, золото и парчи? А кто знаетъ, мы ли одолѣемъ или они? Съ моремъ нельзя сговориться: мы ходимъ не по землѣ, а по морю». Послушался ихъ Игорь и помирился съ греками. Чтобы миръ былъ тверже, Игорь и дружина его поклялись въ Кіевѣ передъ греческими послами: христіане въ соборной церкви св. Иліи (стало тогда христіанъ уже было много и имъ было свободно имѣть свою церковь), а некрещенные вмѣстѣ съ княземъ клялись передъ идоломъ бога Перуна, положивъ передъ нимъ свои щиты и мечи, и клялся Игорь сохранять этотъ миръ, покуда солнце сіяетъ и свѣтъ стоитъ.

Былъ у Игоря воевода Свѣнельдъ. Этому Свѣнельду отдалъ Игорь княжескій судъ и дань въ землѣ угличей, которые жили у Чернаго моря; а тогда, какъ уже сказано, ѣздили сами князья по землямъ своимъ, судили, дань собирали и къ осени возвраща-

лись въ Кіевъ. Стала дружина Игоря жаловаться: «запаслась дружина Свѣнельда оружіемъ и одеждою: а мы наги, пойдемъ съ нами собирать дань: и ты добудешь и мы». Послушался ихъ Игорь и пошелъ въ землю древлянскую; собралъ дань, сталъ возвращаться домой, да подумалъ, что можно собрать еще и сказалъ: «ступайте домой, а я похожу еще». Осталось съ нимъ очень мало людей и опять онъ вошелъ въ землю древлянскую. Сошлись древляне на сходку съ княземъ своимъ Маломъ (стало быть кіевскій князь только заставилъ древлянъ платить дань, а князя имъ оставилъ своего, а не отъ себя прислалъ кого-нибудь), и сказали Древляне: «Повадился волкъ ходить къ овцамъ, такъ перетаскаетъ все стадо, если не убить его; такъ и этотъ, если не убить его, то погубитъ насъ всѣхъ». Однако все-таки послали напередъ сказать Игорю: «Зачѣмъ опять идешь? вѣдь ты взялъ всю дань». Не послушался ихъ Игорь. Тогда вышли древляне изъ своего города Искоростена и убили его со всею дружиною.

Осталась послѣ Игоря вдова Ольга съ сыномъ Святославомъ. Ольга отомстила за своего мужа. Вотъ какъ разсказываютъ объ ея мщеніи. Сказали древляне: «Вотъ мы убили князя русскаго; выдадимъ жену его Ольгу за нашего князя Мала; возмемъ Святослава и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ». И послали древляне 20 лучшихъ своихъ мужей; шли они, по тогдашнему, по рѣкамъ, вошли въ Днѣпръ и стали у самой горы кіевской. Сказали Ольгѣ, что пришли древляне; позвала она ихъ къ себѣ и спросила: «Скажитемнѣ, зачѣмъ пришли сюда?» Отвѣчали древ-

ляне: «Послала насъ древлянская земля и велѣла сказать: мужа твоего мы убили, потому что мужъ твой, какъ волкъ, грабилъ насъ; а у насъ князья добрые, пасутъ древлянскую землю. Пойди замужъ за нашего князя Мала». Ольга сказала имъ: «Люба мнѣ ваша рѣчь; мужа мнѣ уже не воскресить. Хочу завтра почтить васъ передъ всѣми людьми. Ступайте къ своимъ лодкамъ и лягьте тамъ величаясь; а когда завтра пришлю за вами, вы скажите: не ѣдемъ на коняхъ, ни пѣшіе нейдемъ, а несите насъ въ лодкахъ, и понесутъ васъ въ лодкахъ». Прежде лодки считались, что гробъ: въ лодкахъ сожигали мертвыхъ. Ушли древляне. Ольга велѣла у терема своего за городомъ выкопать большую и глубокую яму. Утромъ послала за древлянами, а сама сѣла въ теремѣ. Посланные отъ нея пришли и говорятъ древлянамъ: «Зоветъ васъ Ольга на великую честь». Они же сказали: «Ни пѣшкомъ нейдемъ, ни на коняхъ не ѣдемъ, а несите насъ въ лодкахъ». Кіевляне сказали: «Намъ теперь неволя: князь нашъ убитъ, а княгиня идетъ за вашего князя замужъ», и понесли ихъ, а они сидѣли нарядные и величалися; принесли ихъ на дворъ княжій и съ лодкою кинули въ яму. Нагнулась Ольга къ ямѣ и спросила: «Хороша ли вамъ честь?» «Смерть намъ (отвѣчали они) пуще Игоревой». Потомъ велѣла ихъ засыпать—и засыпали. Послала Ольга къ древлянамъ сказать: «Если въ правду просите меня, то пришлите самыхъ лучшихъ людей, чтобы пришла къ вамъ въ великой чести выходить замужъ за вашего князя; а то не пустятъ меня кіевляне». Услыхали это древляне и выбрали самыхъ

лучшихъ своихъ людей и послали за нею. Когда они пришли, Ольга велѣла истопить баню и сказала: «Вымывшись приходите ко мнѣ». Когда древляне вошли въ жарко натопленную баню, ихъ заперли, а баню подожгли. Послала опять Ольга къ древлянамъ и велѣла сказать: «Я ужь иду къ вамъ; приготовьте много меду въ томъ городѣ, гдѣ убили моего мужа: поплачу я надъ его могилою и сотворю надъ нимъ тризну (то есть поминки).» Услыхали это древляне и наварили много меду. Пришла Ольга налегкѣ съ малою дружиною и велѣла насыпать надъ мужемъ высокую могилу. Такихъ могилъ древнихъ временъ и теперь еще много въ разныхъ мѣстахъ русской земли; ихъ копаютъ и находятъ разныя вещи, и по тѣмъ вещамъ узнаютъ какъ жили люди встарину. Когда насыпали могилу, велѣла Ольга творить тризну. Потомъ древляне сѣли пить. Ольга велѣла своимъ кіевлянамъ прислуживать имъ. Спросили древляне: «Гдѣ наши послы?» Ольга отвѣчала имъ: «Идутъ позади съ дружиною моего мужа». Когда древляне перепились, Ольга велѣла избивать ихъ и избили ихъ 5000. Воротилась Ольга въ Кіевъ, чтобы собрать войско и покорить всю землю древлянскую.

На другой годъ (946 г.) собрала Ольга сильное войско и пошла къ древлянамъ съ сыномъ своимъ, Святославомъ. Сошлись оба войска. Былъ обычай, что сраженіе тогда начинается, когда князь кинетъ копье. Кинулъ копье Святославъ; но онъ былъ еще такъ малъ, что копье, которое онъ кинулъ, пролетѣвъ между ушей коня, ударило коню въ ногу. Сказалъ тогда воевода

Свѣнельдъ, бывшій прежде у Игоря, и Асмудъ, дядька Святослава: «Князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ». Древляне были разбиты, побѣжали и затворились въ своихъ городахъ. Ольга съ сыномъ обступила городъ Искоростень, гдѣ убили ея мужа, а древляне храбро защищали этотъ городъ: сами знали, что убили князя и чего имъ за то ждать. Стояла Ольга передъ городомъ цѣлое лѣто, не могла взять его и придумала хитрость: послала сказать въ городъ: «Чего вы ждете? всѣ ваши города отдались мнѣ, дали дань и теперь пашутъ свою землю, а вы съ голоду, что ли, хотите умереть, что не даете дани?» Древляне сказали: «Рады бы дать дань, да ты будешь мстить за мужа». Отвѣчала Ольга: «Я уже три раза мстила за мужа: два раза, когда вы присылали своихъ пословъ въ Кіевъ, а въ третій, когда совершила тризну по мужѣ; а теперь не буду мстить; возьму дань, помирюсь съ вами и пойду назадъ». Сказали древляне: «Чего ты хочешь? готовы дань дать медомъ и звѣриными шкурами». Она сказала имъ: «Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни шкуръ; прошу у васъ не большаго: дайте отъ двора по три воробья и по три голубя; не хочу налагать на васъ тяжелой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ; знаю, что вы изнемогли въ осадѣ и потому прошу мало». Обрадовались древляне и съ поклономъ послали Ольгѣ по три голубя и по три воробья. Сказала Ольга: «Покормили вы меня и сына; ступайте теперь въ городъ, а я завтра пойду въ Кіевъ». Когда послы разсказали объ этомъ въ городѣ, всѣ возрадовались. Ольга же раздала своимъ воинамъ кому по воробью, кому по голубю, велѣла привязать къ хвосту каждой птицы

горючія вещи въ тряпкѣ, а какъ смеркнется, велѣла, зажегши тряпки, пустить птицъ. Полетѣли голуби въ свои голубятни, а воробьи подъ крыши и зажгли всѣ дворы въ городѣ, такъ что люди побѣжали вонъ и Ольга велѣла, захвативши старшинъ, остальныхъ избивать или брать въ рабство. Потомъ пошла по всей землѣ древлянской, устанавливая повсюду дани и оброки, а за тѣмъ уже воротилась въ Кіевъ. Проживъ годъ въ Кіевѣ, поѣхала Ольга въ Новгородъ и уставила по дорогѣ дани и оброки. Долго вспоминали объ ней въ тѣхъ мѣстахъ съ любовью за то, что правильно все распорядила; а во Псковѣ, откуда она была родомъ, долго сохраняли ея сани.

Задумала Ольга креститься: должно быть наслышалась отъ тѣхъ христіанъ, которыхъ тогда было много въ Кіевѣ, и поѣхала въ 957 г. въ Царьградъ, столицу Греческаго царства, вѣры православной, гдѣ обыкновенно жили царь и патріархъ. Приняли ее съ почотомъ; крестилъ ее самъ патріархъ въ соборѣ св. Софіи Премудрости Божіей. Изъ этого собора турки, когда завладѣли Царьградомъ, сдѣлали мечеть; теперь христіанъ не пускаютъ туда; а былъ тотъ соборъ красоты дивной; турки его испортили: по стѣнамъ образа были, такъ всѣ образа замазали они известкой: въ ихъ мечетяхъ не положено быть никакой живописи.

Когда кончилось крещеніе, патріархъ сказалъ Ольгѣ: «Благословенна ты въ женахъ русскихъ, потому что свѣтъ полюбила, а тьму оставила. Благословятъ тебя люди русскіе до послѣдняго рода» и поучилъ ее о церковномъ уставѣ, о молитвѣ, о постѣ, о мило-

стыни и цѣломудріи. Она же стояла наклонивши голову, внимая ученію, и поклонившись патріарху, сказала: «Да сохранятъ меня, владыко, молитвы твои отъ сѣтей діавола». Въ крещеніи дано было ей имя Елены, въ память святой матери царя Константина, перваго изъ царей, принявшаго вѣру Христову и обновившаго Царьградъ, который и назвалъ въ свое имя—Константинополь. Съ него начались цари греческіе, а прежде жили въ Римѣ. Говорятъ, будто когда Ольга воротилась въ Кіевъ, прислалъ къ ней царь греческій сказать: «Много дарилъ я тебѣ; ты же сказала, что когда возвратишься въ Русь, то отдаришь меня рабами, воскомъ и шкурами и дашь войско въ помощь». Отвѣчала Ольга посламъ: «Скажите царю, что я дамъ ему все это, если онъ постоитъ у меня въ Почайнѣ (ручей въ Кіевѣ) столько же, сколько я стояла у него въ гавани» и отпустила пословъ. Если это и неправда, то все-таки видно, какъ тогда чванились греки и какъ русскимъ было непріятно такое чванство.

Возвратясь въ Кіевъ, Ольга жила съ сыномъ своимъ Святославомъ и уговаривала его креститься. Святославъ же и слушать о томъ не хотѣлъ. Когда мать говорила ему: «Какъ я, сынъ мой, Бога познала и радуюсь, такъ и ты, познавши Бога, будешь радоваться». Онъ же отвѣчалъ: «Какъ я одинъ перемѣню законъ: дружина моя будетъ надо мной смѣяться»; а когда она говорила ему на то:«если ты крестишься, то и всѣ тоже сдѣлаютъ», онъ и слушать не хотѣлъ, и хотя никому не мѣшалъ креститься, но смѣялся надъ такими. Когда Святославъ взросъ и возмужалъ, онъ

собралъ большую дружину и сталъ ходить съ нею на войну. Онъ былъ легокъ на ходу, никогда не возилъ съ собою обоза, ни даже котла, а нарѣзавши тонкимъ ломтемъ говядину, звѣрину или конину, самъ жарилъ на углях; шатра у него тоже не было; а спалъ онъ, подложивъ подъ себя потникъ, а подъ голову сѣдло. Такъ поступали и воины его. Когда собирался онъ идти противъ кого-нибудь, то посылалъ впередъ сказать: «иду на васъ».

На Окѣ встрѣтилъ Святославъ славянское племя вятичей; спросилъ ихъ: «Кому дань даете?» Отвѣчали тѣ: «Казарамъ». Заставилъ ихъ Святославъ платить дань себѣ; потомъ разорилъ царство Казарское и тогда же завладѣлъ городомъ Тмутороканемъ, который стоялъ на островѣ Тамани, гдѣ рѣка Кубань вливается двумя рукавами: однимъ въ Черное, другимъ въ Азовское море.

Въ 967 году позвалъ Святослава греческій царь Никифоръ на помощь противъ дунайскихъ болгаровъ. Побѣдилъ ихъ Святославъ и поселился въ ихъ столицѣ Переяславцѣ. Пока жилъ онъ въ Переяславцѣ, забывши свою землю, на Кіевъ напали печенѣги — новый кочевой народъ, который появился въ степяхъ послѣ разрушенія Казарскаго царства. Ольга съ внуками своими, Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, затворилась въ Кіевѣ. Обступили городъ печенѣги силою великою, и нельзя было изъ города ни выйти, ни вѣсти послать; изнемогали люди голодомъ и жаждою. По другую сторону Днѣпра собралось много людей; но нельзя пройти ни отъ нихъ въ Кіевъ, ни изъ Кіева къ нимъ. Запечалились люди въ

городѣ и сказали: «Не найдется ли кого, кто бы могъ пойти на ту сторону и сказать людямъ, которые тамъ собрались, что если завтра не придутъ къ намъ на помощь, то передадимся печенѣгамъ?» Вызвался одинъ отрокъ, сказавъ: «Я перейду», и говорятъ ему: «переходи». Онъ вышелъ изъ города съ уздою и, проходя сквозь толпу печенѣговъ, спрашивалъ по-печенѣжски: «Не видалъ ли кто-нибудь моего коня»? Они и сочли его за своего. Подошедши къ берегу, отрокъ снялъ съ себя платье и кинулся въ рѣку; печенѣги начали стрѣлять по немъ, но стрѣлы его не настигли. Увидали его съ той стороны и перевезли къ себѣ. Онъ же, пришедши къ воеводѣ Прѣтичу, стоявшему тамъ съ малою дружиною, сказалъ: «Если не подступите завтра къ городу, то люди предадутся печенѣгамъ». Послѣ того Прѣтичъ сказалъ: «Подступимъ завтра къ городу въ лодкахъ; возьмемъ княгиню и княжичей и увеземъ ихъ на эту сторону; если этого не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ». Утромъ на разсвѣтѣ сѣли они въ лодки и стали переѣзжать рѣку, громко трубя въ трубы; въ городѣ люди закричали отъ радости. Печенѣги подумали, что пришелъ князь и разбѣжались, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавши это, воротился князь печенѣжскій одинъ и спросилъ Прѣтича: «Ты не князь ли?»—«Нѣтъ, я мужъ его: онъ послалъ меня впередъ, а самъ идетъ за мною съ сильнымъ войскомъ», отвѣчалъ Прѣтичъ.—«Будь мнѣ другъ», сказалъ князь печенѣжскій и обмѣнялись они подарками. Печенѣгъ далъ Прѣтичу коня, саблю, стрѣлы; тотъ отдарилъ его мечомъ (мечъ прямой, какъ теперь шпа-

га, и остеръ съ двухъ сторонъ; а сабля кривая и острая объ одну сторону: сабля—оружіе всѣхъ кочевыхъ народовъ), броней и щитомъ. Отступили печенѣги отъ Кіева, но стали не вдалекѣ на рѣчкѣ Лыбеди. Послали кіевляне сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли, а свою оставилъ; а печенѣги едва не взяли насъ, и матери твоей, и дѣтей; если не придешь, не защитишь насъ, то опять возьмутъ насъ; развѣ не жаль тебѣ своей отчины, дѣтей и старухи-матери?» Услыхавъ это, Святославъ быстро сѣлъ на коня съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ и прогналъ печенѣговъ.

Соскучился Святославъ на Руси и сказалъ матери и боярамъ: «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина земли моей, туда стекаются всѣ блага: изъ Греціи золото, шелковыя ткани, вина, разные овощи; отъ чеховъ и венгровъ серебро и кони, изъ Руси—шкуры, медъ, воскъ и рабы».—Сказала ему Ольга: «Видишь, что я больна. Куда хочешь идти? Погреби меня и иди куда тебѣ угодно». Черезъ три дня умерла Ольга. Плакали по ней сынъ, внуки и всѣ люди. Похоронилъ ее священникъ, который былъ при ней, а тризны по себѣ она дѣлать не велѣла.

Когда мать умерла, Святослава уже ничто не держало въ Кіевѣ и, собираясь въ свою милую Болгарію, онъ раздѣлилъ русскую землю сыновьямъ: Ярополку далъ Кіевъ, Олегу землю древлянскую. Тогда думали, что можно дѣлить землю, какъ дѣлятъ всякое имѣніе; оттого, когда князей стало много, каждый изъ нихъ получилъ свою область и начались между

ними ссоры. Но, объ этомъ послѣ. Пришли и Новгородцы просить себѣ князя. «Если никто не пойдетъ къ намъ, то найдемъ князя на сторонѣ», говорили они. Святославъ отвѣчалъ: «только бы кто-нибудь пошелъ къ вамъ». Ярополкъ и Олегъ отказались. Добрыня (посадникъ, т. е. правитель новгородскій) сказалъ: «просите Владиміра»; а Владиміръ былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной и сестры Добрыни. Новгородцы и сказали Святославу: «Отдай намъ Владиміра». Святославъ сказалъ: «Возьмите». Тогда Владиміръ пошелъ въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Въ 971 году пришелъ Святославъ въ Болгарію. Болгаре затворились въ городахъ своихъ; да и у грековъ былъ тогда новый царь Іоаннъ Цимисхій, храбрый воитель, которому очень не нравилось сосѣдство безпокойнаго Святослава. Съ болгарами Святославъ скоро справился и послалъ сказать грекамъ: «Иду на васъ». Греки приготовили большое войско. Говорятъ, что здѣсь они схитрили: послали будто къ Святославу предложить ему дань и спросить сколько у него войска. Святославъ, догадавшись, что они хитрятъ, прибавилъ вдвое свою силу, сказавъ, что у него 20000 человѣкъ, а у него было всего 10000. Греки, вмѣсто дани, приготовили 100,000 чел. войска. Святославъ все-таки ворвался въ Грецію и разорилъ много городовъ. Говорятъ, что разъ, когда окружили его греки, онъ сказалъ своей дружинѣ: «Намъ уже некуда дѣться; волею ли, неволею, должно сражаться; не посрамимъ земли русской, ляжемъ костьми: мертвые не знаютъ срама; а если побѣжимъ, то будетъ

намъ срамъ; не побѣжимъ, а станемъ крѣпко; если моя голова ляжетъ, то думайте о себѣ». Дружина отвѣчала ему: «Гдѣ ты сложишь голову, тамъ и мы головы положимъ» и разбили грековъ; но все-таки должны были уйти въ Болгарію, куда скоро пришелъ съ войскомъ царь греческій. Святославъ, видя, что дружины у него мало, а русская земля далеко, а печенѣги, съ которыми онъ былъ не въ ладу, сѣли на порогахъ днѣпровскихъ, посовѣтовался съ дружиною и заключилъ миръ. Клянясь сохранить миръ, русскіе говорили: «Если не сохранимъ миръ, то да проклянутъ насъ боги, въ которыхъ вѣруемъ: Перунъ и Волосъ, скотій богъ; пусть пожелтѣемъ какъ золото и будемъ изсѣчены своимъ оружіемъ». Когда миръ былъ заключенъ, Цимисхій пожелалъ видѣться съ Святославомъ. Русскій князь приплылъ на свиданье въ лодкѣ по Дунаю и самъ гребъ вмѣстѣ съ гребцами. Онъ былъ средняго роста, носъ у него былъ плоской, глаза голубые, густыя брови и длинные косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были выстрижены, кромѣ одного клока, который висѣлъ на обѣ стороны, что̀ означало его знатный родъ. Шея у него была плотная, грудь широкая; весь видъ суровый и свирѣпый; въ ухѣ висѣла серьга съ карбункуломъ и двумя жемчужинами. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ остальные, въ бѣлое, только одежда его была чище. Заключивъ миръ, Святославъ вздумалъ возвращаться въ лодкахъ черезъ пороги, и сказалъ ему отцовскій воевода Свѣнельдъ: «Пойдемъ лучше, князь, на коняхъ около; а то на порогахъ засѣли печенѣги»; не послушался его Святославъ и пошелъ въ лод-

кахъ. Болгары послали сказать печенѣгамъ: «Идетъ Святославъ съ большимъ имѣніемъ и малою дружиною». Печенѣги и засѣли въ порогахъ. Святославу пришлось зиму провести у устья Днѣпра, гдѣ случился такой голодъ, что конскую голову покупали за полгривны (гривна—фунтъ серебра). Весною пошелъ Святославъ черезъ пороги; печенѣги напали на него и убили его. Князь ихъ, Куря, оковавши его черепъ, сдѣлалъ изъ него чашу, изъ который и пилъ на пирахъ. Остатокъ дружины со Свѣнельдомъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Лучше бы этому Свѣнельду было не возвращаться; онъ сталъ первой причиною ссоры между братьями. Сынъ Свѣнельдовъ, Лютъ, вышелъ поохотиться изъ Кіева и зашелъ съ охотою въ землю древлянскую, гдѣ встрѣтилъ его Олегъ, также охотившійся. Увидѣлъ его Олегъ и спросилъ: «Кто это»? ему сказали: «Свѣнельдичъ», онъ и велѣлъ его убить: должно быть онъ заѣхалъ въ заповѣдный лѣсъ, гдѣ охотиться нельзя было безъ воли хозяина. Сталъ Свѣнельдъ подущать Ярополка на Олега и говорить: «Поди на брата и возьми его волость»: такъ хотѣлось ему отомстить за сына.

Прошло два года и въ 977 году пошелъ Ярополкъ на Олега въ древлянскую землю и разбилъ его. Когда Олегъ бѣжалъ въ городъ свой, Овручъ (Волынской губерніи), на мосту отъ множества бѣжавшихъ сдѣлалась большая тѣснота и Олега столкнули съ моста въ ровъ; повалились на него и люди и кони, и задавили его. Вошелъ на другой день Ярополкъ въ городъ и послалъ искать, гдѣ братъ. Ни-

кто не могъ найдти его; тогда одинъ древлянинъ сказалъ: «Я видѣлъ вчера, какъ его столкнули съ моста», и послалъ Ярополкъ искать брата во рву; таскали трупы съ утра до полудня и нашли Олега въ самомъ низу. Принесли его во дворецъ и положили на коврѣ. Ярополкъ пришелъ, сталъ плакать надъ братомъ и сказалъ Свѣнельду: «Смотри на то, чего ты хотѣлъ». Похоронили Олега у города. Услыхалъ Владиміръ, что Ярополкъ убилъ Олега, убоялся и бѣжалъ за море, къ варягамъ. Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ и сталъ одинъ владѣть Русью.

Черезъ три года вернулся Владиміръ въ Новгородъ и сказалъ посадникамъ Ярополковымъ: «Идите къ брату моему и скажите ему: «Владиміръ на тебя идетъ; готовься съ нимъ биться». Самъ сѣлъ въ Новгородѣ и послалъ къ сосѣднему князю полоцкому Рогволду сказать: «Хочу взять за себя дочь твою Рогнѣду». Рогволдъ этотъ былъ варягъ, который овладѣлъ Полоцкомъ и княжилъ тамъ. Рогволдъ спросилъ дочь: «не хочу разуть сына рабыни», отвѣчала Рогнѣда: тогда былъ обычай (кой-гдѣ онъ и теперь есть), что молодая разуваетъ мужа въ первый день свадьбы; а сыномъ рабыни она назвала Владиміра потому, что мать его была ключницей у Ольги; а если кто шелъ въ ключники или ключницы, безъ ряды, тотъ становился рабомъ. «Хочу за Ярополка», прибавила Рогнѣда; а Ярополкъ, хоть и женатъ былъ на разстриженной монахинѣ-гречанкѣ, которую Святославъ вывезъ изъ Болгаріи, сватался и за Рогнѣду. Тогда у князей было по нѣскольку женъ. Вла-

диміръ тоже былъ уже женатъ тогда. Когда передали Владиміру гордую рѣчь полоцкой княжны, онъ собралъ войско и пошелъ на Рогволда, взялъ Полоцкъ, убилъ князя и двухъ его сыновей, и взялъ Рогнѣду, которую собирались уже вести къ Ярополку, въ жены себѣ. О томъ, что было съ Рогнѣдою послѣ, разсказываютъ такъ: когда Владиміръ завелъ у себя много женъ, а ее поселилъ въ Преславинѣ (около Кіева), она много негодовала и отъ горя названа была Гореславою. Случилось разъ Владиміру ночевать у нея. Она ночью хотѣла его зарѣзать; Владиміръ проснулся и взялъ ее за руку. Она же сказала: «Я закручинилась: ты убилъ отца моего и землю его полонилъ изъ за-меня, а теперь, меня не любишь». Велѣлъ ей Владиміръ одѣться въ царское платье, въ которомъ была она въ день брака, и ждать въ храминѣ на великолѣпной постели, когда онъ придетъ убить ее. Она все исполнила и, призвавъ сына своего, Изяслава, дала ему обнаженный мечъ и сказала: «Когда придетъ отецъ, выходи и скажи ему: «Отецъ! ты думаешь, что ты одинъ». Такъ и сдѣлалось: пришелъ Владиміръ; Изяславъ подалъ ему мечъ и сказалъ что мать велѣла. Владиміръ сказалъ тогда: «А кто думалъ, что ты здѣсь?»бросилъ мечъ, созвалъ бояръ и разсказалъ имъ все; они сказали: «Не убивай ее ради этого дитяти; но отдай имъ область отца ея». Владиміръ такъ и сдѣлалъ и въ честь сына построилъ городъ Изяславль.

Окончивъ съ Рогволдомъ, Владиміръ пошелъ на Ярополка. Ярополкъ не могъ выйти противъ него въ поле,—такъ мало было у него войска, и затворился

въ городѣ. Послалъ Владиміръ сказать Блуду, любимцу Ярополка: «Окажи мнѣ услугу; когда убью брата, буду почитать тебя какъ отца и много чести воздамъ тебѣ. Не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я только потому пошелъ противъ него, что убоялся за себя». Блудъ отвѣчалъ посламъ: «Я буду служить Владиміру» и началъ думать какъ бы убить Ярополка; но боялся кіевлянъ и потому сталъ пугать Ярополка, будто кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, и совѣтовать Ярополку уйти изъ Кіева. Ярополкъ послушался и ушелъ въ маленькій городокъ Родню; Владиміръ же вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ. Тогда Блудъ началъ опять пугать Ярополка и говорить ему: «Видишь сколько войска у брата твоего? намъ съ ними не совладать; помирись съ братомъ». Ярополкъ сказалъ: «Пусть такъ будетъ». Блудъ послалъ сказать Владиміру: «Сбылось мое обѣщаніе, что приведу къ тебѣ Ярополка; приготовься убить его». Владиміръ, услыхавъ это, ждалъ брата съ дружиною своею въ каменномъ теремѣ отцовскомъ. А Блудъ въ то время сказалъ Ярополку: «Пойди къ брату и скажи ему: что дашь—всѣмъ буду доволенъ». Былъ у Ярополка вѣрный слуга Варяжко; тотъ сказалъ князю: «Не ходи, убьютъ тебя; лучше поди къ печенѣгамъ и приходи съ ихъ помощью». Ярополкъ не послушался и пошелъ къ брату. Когда хотѣлъ онъ отворить дверь, два варяга ранили его мечами подъ мышками, а Блудъ въ то время сторожилъ у двери, чтобы не вошелъ кто-нибудь изъ слугъ его. Варяжко же бѣжалъ къ печенѣгамъ и съ ними приходилъ на Владиміра; едва удалось Владиміру

совладать съ ними. Взялъ Владиміръ жену брата своего и отъ нея родился ему сынъ Святополкъ.

Пришли къ Владиміру варяги и сказали: «Городъ нашъ; мы взяли его; дай намъ окупу по двѣ гривны съ человѣка». Владиміръ сказалъ: «Погодите мѣсяцъ: соберемъ деньги». Ждали мѣсяцъ и не далъ имъ Владиміръ, и сказали вяряги: «Обманулъ насъ; пусти насъ къ грекамъ». Владиміръ сказалъ: «Идите». Выбралъ изъ нихъ, которые по-лучше, и далъ имъ въ управленіе города; прочіе же пошли въ Грецію. Послалъ Владиміръ сказать царю греческому: «Идутъ къ тебѣ варяги; не держи ихъ въ городѣ, а то надѣлаютъ столько же зла, какъ и здѣсь, размѣсти ихъ по разнымъ городамъ и сюда не пускай ни одного».

Когда Владиміръ остался одинъ владѣть русскою землею, онъ поставилъ передъ княжескимъ теремомъ въ Кіевѣ идолы боговъ своихъ; главнаго изъ нихъ, Перуна, сдѣлали деревяннаго съ серебряною головою и золотыми усами. Дядю своего, Добрыню, посадилъ Владиміръ въ Новгородѣ и тотъ поставилъ идола Перуна надъ Волховомъ. Зажилъ Владиміръ весело въ Кіевѣ; больше всего онъ любилъ женщинъ и было у него, кромѣ четырехъ законныхъ женъ, множество наложницъ: 300 въ Вышегородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ Берестовѣ, и было у него отъ нихъ 12 сыновей; не забывалъ онъ и войны: ходилъ онъ на ляховъ, на ятвяговъ (народъ, который жилъ въ нынѣшней Гродненской губерніи), и покорилъ ятвяговъ. Пришедши въ Кіевъ, захотѣлъ поблагодарить боговъ своихъ и посовѣтовался съ боярами и старцами; сказали ему старцы и бояре: «Кинемъ жеребій

на отрока и на дѣвицу: на кого жеребій падетъ, того зарѣжемъ богамъ». Былъ одинъ варягъ, пришедшій изъ Греціи, христіанинъ, и былъ у него сынъ, прекрасный и тѣломъ и душою; на него-то и палъ жеребій. Пришли къ варягу посланные отъ бояръ и сказали: «На твоего сына палъ жеребій; онъ угоденъ богамъ; сотворимъ ихъ волю». Варягъ отвѣчалъ имъ на то: «То не боги, а дерево; сегодня есть, а завтра сгніетъ; они ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, потому что сдѣланы руками. Богъ единъ, Которому покланяются греки; Онъ создалъ небо и землю, солнце, луну и звѣзды; Онъ создалъ человѣка и поселилъ его на землѣ; а эти боги что̀ сдѣлали? они сами сдѣланы; не дамъ своего сына бѣсамъ». Посланные разсказали это людямъ; они взяли оружіе, пошли и разметали дворъ его; онъ же стоялъ въ сѣняхъ. Сказали ему: «Отдай сына, мы дадимъ его богамъ». Онъ отвѣчалъ: «Если они боги, то пусть пришлютъ одного изъ своихъ и возьмутъ моего сына, а вы чего требуете?» Тогда закричала толпа и подсѣкла сѣни. Такъ погибли эти два первые мученика, Ѳеодоръ и Іоаннъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ ихъ, Владиміръ, когда крестился, поставилъ церковь Божіей Матери. Ходилъ Владиміръ и на болгаръ камскихъ (гдѣ теперь Казань), и побѣдилъ ихъ. Посмотрѣлъ Добрыня на плѣнниковъ и сказалъ: «Они въ сапогахъ, отъ нихъ не дождемся дани; поищемъ лапотниковъ». Болгаре были, какъ уже сказано, народъ богатый, торговый. Заключилъ Владиміръ съ ними миръ. Болгаре клялись: «Сохранимъ тотъ миръ, покуда камень не будетъ плавать въ водѣ, а хмѣль тонуть».

На другой годъ послѣ мира (986 г.) пришли къ Владиміру послы этихъ болгаръ, которые были вѣры Магометовой, и сказали ему: «Ты князь мудръ и смышленъ, но живешь беззаконно; примизаконъ нашъ и поклонися Магомету». Спросилъ ихъ Владиміръ: «Какая вѣра ваша?» Они отвѣчали: «Вѣруемъ Богу, а Магометъ учитъ насъ: обрѣзаться, свинины не ѣсть, вина не пить; позволяетъ имѣть много женъ и на томъ свѣтѣ дастъ каждому по 70 женъ прекрасныхъ». Владиміру пріятно было слышать о томъ, что можно имѣть много женъ (онъ любилъ женщинъ); не нравилось ему обрѣзаніе и запрещеніе ѣсть свинину, а особенно пить вино: «Пить—веселіе Руси; безъ того не можемъ быть», сказалъ онъ. Приходили католики сказали, что ихъ заповѣдь—постъ. Владиміръ отвѣчалъ имъ: «Ступайте прочь; отцы наши не приняли этого». Пришли казарскіе евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгаре и христіане, уча каждый своей вѣрѣ. Христіане вѣруютъ Христу, котораго мы распяли, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исаакову и Іаковлю». Владиміръ спросилъ: «Въ чемъ же законъ вашъ?» Они отвѣчали: «Обрѣзаться, не ѣсть свинины, ни заячины; сохранять субботу». Владиміръ опять спросилъ ихъ: «Гдѣ земля ваша?» Они отвѣчали: «Въ Іерусалимѣ».—«Тамъ ли вы теперь?» спросилъ Владиміръ.—«Нѣтъ», (отвѣчали они,) «Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ, расточилъ насъ по всѣмъ странамъ за грѣхи наши, а землю отдалъ христіанамъ». На это сказалъ имъ Владиміръ: «Какъ же вы, сами отверженные Богомъ, другихъ учите. Если бы вы и законъ вашъ были угодны Богу, то не расточилъ бы

Онъ васъ по чужимъ землямъ. Хотите ли вы, чтобы и съ нами то же было?» Пришелъ наконецъ философъ отъ грековъ и сказалъ: «Слышалъ, что приходили къ вамъ болгаре и учили своей вѣрѣ; но вѣра ихъ ведетъ къ погибели. Приходили и католики: ихъ вѣра малымъ отъ нашей различается; только служатъ они на опрѣснокахъ или оплаткахъ, а Іисусъ Христосъ повелѣлъ служить на хлѣбѣ». Владиміръ сказалъ ему: «Приходили еще евреи, говорили, что вы вѣрите тому, кого они распяли. Правда ли это?»—«Правда», сказалъ философъ и вкратцѣ разсказалъ ему всю священную исторію; потомъ, когда кончилъ, показалъ картину, на которой изображенъ страшный судъ: праведники направо, съ веселіемъ идутъ въ рай, а грѣшники налѣво, идутъ въ муку. Владиміръ, вздохнувъ, сказалъ: «Хорошо тѣмъ, кто направо; горе тѣмъ, кто налѣво»; на что философъ отвѣтилъ: «Крестись, если хочешь быть направо». Владиміръ, положа руку на сердце, сказалъ: «Пожду немного»; онъ хотѣлъ еще разсмотрѣть разныя вѣры. Потомъ, одаривъ философа отпустилъ его съ честію.

Созвалъ Владиміръ бояръ и старцевъ городскихъ и сказалъ имъ: «Приходили ко мнѣ болгаре и говорили: «прими нашъ законъ»; потомъ приходили евреи, послѣ же пришли греки, хулили всѣ законы, свой же хвалили и много сказывали о бытіи всего міра отъ начала его; красно говорили и чудно ихъ слушать и пріятно каждому; говорили, что есть другой свѣтъ и что кто вступитъ въ ихъ вѣру, тотъ, если умретъ, оживетъ и во вѣки не умретъ; а кто другой законъ приметъ, тому горѣть въ огнѣ на томъ свѣтѣ. Что по-

совѣтуете?» Бояре и старцы отвѣтили ему на то: «Ты знаешь, князь, что всякій свое не хулитъ, а хвалитъ; а если хочешь узнать правду, то есть у тебя мужи: пошли ихъ, пусть посмотрятъ, какъ каждый народъ служитъ Богу». Понравился этотъ совѣтъ Владиміру и всѣмъ людямъ; выбрали десять человѣкъ хорошихъ и смышленыхъ и послали ихъ сначала къ болгарамъ—и не понравилось посланнымъ магометанское богослуженіе. Потомъ послалъ ихъ Владиміръ къ нѣмцамъ, а оттуда къ грекамъ. Пошли они къ нѣмцамъ, посмотрѣли ихъ службу; потомъ пошли въ Царьградъ, а тогда было тамъ два царя: Василій и Константинъ. Когда пришли они, цари спросили: «зачѣмъ пришли?» и, узнавъ причину, обрадовались и приняли ихъ съ честію. Поутру послали цари сказать патріарху: «пришли русскіе разузнать о нашей вѣрѣ; убери церковь, а самъ одѣнься въ святительскія ризы: пусть видятъ славу Бога нашего». Услыхавъ это, патріархъ велѣлъ убрать церковь по праздничному, освѣтить ее всю и приготовить пѣвчихъ. Когда послы пришли въ церковь, имъ объяснили всю службу; потомъ отпустили съ честью. Когда послы воротились въ Кіевъ, Владиміръ созвалъ опять бояръ и старцевъ и велѣлъ посламъ разсказать все по порядку. «Были мы у болгаръ—сказали послы—видѣли какъ они молятся въ мечетяхъ: стоятъ безъ пояса; поклонятся и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонамъ, какъ бѣшеные; не весело у нихъ, но печально; не хорошъ ихъ законъ. Были у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли къ грекамъ и повели они насъ туда, гдѣ

служатъ своему Богу, и не знаемъ мы, на землѣ мы были или на небѣ? такой красоты на землѣ нѣтъ; мы знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть той красоты; каждый человѣкъ, когда попробовалъ сладкаго, не можетъ вкусить горькаго, такъ и мы». Бояре сказали на то: «Если бы дуренъ былъ греческій законъ, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга; а она была мудрѣйшая изъ людей». Спросилъ Владиміръ: «Гдѣ же мы крестимся?» отвѣчали бояре и старцы: «гдѣ тебѣ угодно».

На слѣдующій годъ (988) Владиміръ пошелъ войною на греческій городъ Корсунь (тамъ, гдѣ теперь Севастополь): должно быть онъ хотѣлъ показать грекамъ, что онъ хоть и приметъ крещеніе, но все-таки не хочетъ подчиниться имъ. Корсунцы затворились въ городѣ, а Владиміръ окружилъ городъ, ставъ отъ него на разстояніи выстрѣла изъ лука. Начали горожане изнемогать. Владиміръ послалъ сказать имъ: «Если не сдадитесь, то хоть три года простою у вашего города». Они, однако, не сдались. Велѣлъ Владиміръ сыпать насыпь къ городскимъ стѣнамъ, а корсунцы сдѣлали подкопъ подъ стѣною городскою и, выходя по ночамъ, уносили ту землю и ссыпали ее внутри города. Тогда одинъ корсунянинъ, по имени Анастасъ, бросилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: «перекопай колодезь, который отъ тебя къ востоку: изъ него по трубѣ вода идетъ въ городъ». Владиміръ, услыхавъ это, поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Если это сбудется, то крещусь». Тотчасъ велѣлъ перекопать трубу и вода перестала идти въ городъ; люди изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ

съ дружиною въ городъ и послалъ сказать царямъ Василію и Константину: «Я взялъ вашъ славный городъ; слышалъ я, что у васъ сестра дѣва; если не отдадите ее за меня, то такъ же сдѣлаю съ Царьградомъ». Услыхавъ это, цари запечалились и отвѣчали: «Не слѣдуетъ христіанкѣ выходить за язычника; если крестишься, то получишь ее, и царство небесное наслѣдуешь и будешь съ нами одной вѣры; а если этого не сдѣлаешь, то не можемъ отдать сестры за тебя». Когда передали это Владиміру, онъ отвѣчалъ: «Скажите царямъ, что я крещусь. Еще прежде испыталъ я вашъ законъ и нравится мнѣ ваша вѣра и служеніе, о чемъ разсказали мнѣ мои посланные». Услыхавъ это, цари обрадовались, уговорили сестру свою, Анну, и послали сказать Владиміру: «Крестишься, тогда пошлемъ сестру свою». Владиміръ отвѣчалъ: «Пусть крестятъ меня пришедшіе съ сестрою вашею». Тогда цари стали посылать сестру, нѣкоторыхъ сановниковъ и священниковъ. Анна же не хотѣла идти: «Иду какъ будто въ плѣнъ—говорила она—лучше бы мнѣ было умереть здѣсь». И сказали ей братья: «Черезъ тебя Богъ обращаетъ русскую землю къ покаянію, а греческую избавляетъ отъ лютой рати. Развѣ не видишь, сколько Русь сдѣлала зла грекамъ? если не пойдешь, то они будутъ продолжать по-старому». Едва ее принудили. Сѣвши въ судно, она со слезами стала прощаться съ родными и съ плачемъ ѣхала черезъ море; когда приплыли въ Корсунь, корсунцы встрѣтили ее почетомъ. Въ то время заболѣли у Владиміра глаза и послала царевна сказать ему: «Хочешь выздоровѣть—крестись». Владиміръ сказалъ: «Если это

сбудется, то по-истинѣ великъ Богъ христіанскій». Епископъ корсунскій крестилъ Владиміра; въ крещеніи дали ему имя Василія; князь выздоровѣлъ и прославилъ Бога, говоря: «Теперь я узналъ истиннаго Бога». Увидѣвши это, многіе изъ дружины тоже крестились. По крещеніи совершенъ былъ бракъ Владиміра съ царевною.

Владиміръ, возвращаясь назадъ въ Кіевъ, взялъ съ собою царицу и Анастаса и священниковъ корсунскихъ съ мощами св. Климента и Фифа, ученика его, съ иконами и церковными сосудами. На томъ мѣстѣ въ городѣ, гдѣ жители ссыпали землю, унося ее изъ насыпи, насыпаемой войскомъ русскимъ, Владиміръ поставилъ церковь во имя св. Василія, а самый городъ отдалъ грекамъ въ *вѣно* за царицу (такъ назывался подарокъ, который новобрачный давалъ женѣ и родственникамъ ея). Возвратясь въ Кіевъ, велѣлъ повалить идоловъ, рубить ихъ или жечь огнемъ; Перуна же велѣлъ привязать къ конскому хвосту и спустить съ горы въ рѣку, и потомъ, преслѣдуя до пороговъ, отталкивать палкою, если пристанетъ къ берегу. Говорятъ, что язычники, стоя на берегу, кричали: «*выдубай* (выплывай) нашъ боже». Оттого это мѣсто прозвано Выдубицы и построенъ здѣсь впослѣдствіи Выдубицкій монастырь. Потомъ послалъ Владиміръ кличъ кликать по городу: «кто не придетъ къ рѣкѣ, богатый или убогій, нищій или рабъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ». Всѣ шли креститься, говоря: «если бы не добро было, то не принялъ бы князь съ боярами». Утромъ вышелъ Владиміръ со священниками царицыными и корсунскими къ

Днѣпру, и сошлось множество людей; вошли въ воду: кто стоялъ до шеи, кто до груди; дѣти стояли у берега; другіе держали дѣтей; взрослые уходили далѣе, и священники стояли и молитву творили. Нашлись, впрочемъ, и такіе, которые не хотѣли креститься и боясь, чтобы ихъ не заставили креститься насильно, бѣжали въ лѣса; а тогда думали, что можно и насильно спасти душу человѣка.

Крестивъ Кіевъ, Владиміръ и прибывшій къ нему первый митрополитъ Михаилъ стали назначать епископовъ въ разные города и посылать ихъ крестить тѣ города. То же дѣлали и сыновья его, которыхъ онъ разсадилъ по городамъ: *Вышеславъ* въ Новгородѣ, а по смерти его *Ярославъ*; *Изяславъ* въ Полоцкѣ; *Святополкъ* въ Туровѣ; *Ярославъ* въ Ростовѣ; когда его перевели въ Новгородъ, туда отправился *Борисъ*; *Мстиславъ* въ Тмуторокани: *Всеволодъ* на Волыни, *Святославъ* въ землѣ древлянской, *Глѣбъ* въ Муромѣ. У Владиміра было еще три сына: *Станиславъ*, *Судиславъ* и *Позвиздъ*. Гдѣ они были—не знаемъ; знаемъ только, что Судиславъ жилъ во Псковѣ; должно быть и княжилъ тамъ. Проповѣдники пошли по Днѣпру вверхъ, всюду крестили и ставили церкви. Наконецъ дошли до Новгорода и поставили здѣсь церковь Преображенія. Отсюда пошли въ Ростовъ. Крестивъ Ростовъ, Добрыня, который былъ съ проповѣдниками, опять пришелъ въ Новгородъ; здѣсь нашелъ онъ, что язычники взбунтовались: всѣхъ подущалъ какой-то Соловей (должно быть волхвъ). Когда пришелъ Добрыня, новгородцы разметали мостъ, соединяющій двѣ части города, и поставили

на томъ берегу пороки (такъ называли машины, метавшія каменья). Проповѣдники же крестили на другомъ берегу. Такъ прошло два дня. Новгородецъ Угоняй, ѣздя по городу между бунтовщиками, вопилъ: «Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ своихъ на поруганія». Народъ, разсвирѣпѣвъ, сжегъ домъ Добрынинъ и разграбилъ жену его и родственниковъ. Владиміровъ воевода Путята между тѣмъ съ пятьюстами воиновъ переплылъ ночью Волховъ выше города и, вошедши въ городъ, сжегъ домъ Угоняевъ. Горожане начали жечь церковь Преображенія. Къ разсвѣту пришелъ Добрыня и бунтовщики начали смиряться, потому что онъ хотѣлъ сжечь ихъ дома. Тогда горожане послали къ Добрынѣ пословъ. Добрыня же велѣлъ жечь идоловъ и кидать ихъ въ воду. Тогда многіе некрещеные, чтобы ихъ не принуждали, стали увѣрять, что они крещены. Добрыня велѣлъ всѣмъ крестившимся надѣвать кресты, а кто безъ креста, тому не вѣритъ. Много ходило потомъ разсказовъ объ этомъ крещеніи: говорили, что будто когда волокли идолъ Перуна, онъ кинулъ свою палку на мостъ (это уже и потому неправда, что мостъ былъ разметанъ), и послѣ того будто стали новгородцы драться на томъ мосту. Говорятъ также, будто шелъ новгородецъ съ горшками, увидалъ какъ плыветъ Перунъ и, оттолкнувши его шестомъ, сказалъ: «ѣлъ ты, Перунище, до-сыта, а теперь плыви прочь».

Въ Новгородѣ и въ далекомъ отъ Кіева Поволжьѣ долго еще не укрѣплялось христіанство. Еще при внукахъ Владиміра появлялись здѣсь волхвы и смущали народъ. Такъ разъ сдѣлался голодъ въ зем-

лѣ Ростовской; изъ Ярославля пришли два волхва и сказали: «Мы знаемъ кто укрываютъ запасы», и пошли по Волгѣ; какъ придутъ въ село, такъ и указываютъ на богатыхъ женъ, говоря: «эта хлѣбъ держитъ, а та мясо, а эта рыбу». И обманутые люди приводили къ нимъ сестеръ своихъ, женъ и матерей; волхвы разрѣзывали у нихъ за плечами и потомъ показывали хлѣбъ, мясо и рыбу, будто вынутые изъ ихъ тѣла. Случилось тогда на Бѣлоозерѣ быть Яну, собиравшему дань на князя Святослава, внука св. Владиміра, и сказали ему: «Пришли сюда два волхва, которые избили много людей по Волгѣ и Шекснѣ». Янъ сталъ спрашивать, какого они князя люди, и узналъ что его князя. Тогда сказалъ окружающимъ ихъ, которыхъ было до 300: «Выдайте мнѣ волхвовъ: они люди моего князя». Тѣ не послушались его. Янъ пошелъ-было къ нимъ на встрѣчу безъ оружія, но бывшая съ нимъ дружина, 12 человѣкъ, уговорила его взять оружіе. Когда подступилъ онъ къ толпѣ, стоявшей съ волхвами, вышли ему на встрѣчу трое и сказали: «Идешь на смерть—не ходи». Онъ же велѣлъ убить ихъ и пошелъ къ прочимъ. Они-было кинулись на Яна; одинъ изъ нихъ хотѣлъ ударить его топоромъ, да промахнулся; Янъ ударилъ его обухомъ своего топора и велѣлъ дружинѣ бить ихъ; они и разбѣжались. Пошелъ потомъ Янъ въ городъ Бѣлозерскъ и сказалъ горожанамъ: «Если не поймаете волхвовъ, не уйду отъ васъ цѣлое лѣто»; а если онъ останется, то, по тогдашнему обычаю, имъ слѣдовало кормить его какъ данщика, со всею дружиною; а кормить цѣлое лѣто было бы накладно. Испугались бѣлозерцы

и переловили волхвовъ. Когда привели ихъ, Янъ спросилъ: «зачѣмъ погубили столько человѣкъ?»— «Теперь, когда мы истребили ихъ, будетъ обиліе; хочешь, мы вынемъ передъ тобою хлѣбъ или рыбу, или что другое»?—«По правдѣ, сказалъ Янъ, все это ложь: сотворилъ Богъ человѣка изъ костей и жилъ, и нѣтъ въ немъ ничего посторонняго».—«А мы знаемъ, сказалъ волхвъ, какъ сотворенъ человѣкъ». — «Какъ же?» спросилъ Янъ.—«Мылся Богъ въ банѣ и отерся тряпкою и свергъ ее съ неба, и заспорилъ сатана съ богомъ, кому сотворить человѣка, и создалъ дьяволъ человѣка, а Богъ вложилъ въ него душу: оттого, если умретъ человѣкъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу». Нелѣпость эта удивила Яна, онъ спросилъ волхвовъ: «Какому вы богу вѣруете?» тѣ будто отвѣчали ему: «Антихристу, который живетъ въ безднѣ». Не трудно было Яну доказать, что Богъ въ безднѣ не живетъ. Потомъ онъ прибавилъ: «Вы и здѣсь отъ меня муку примете и по смерти тамъ». Они же сказали: «Наши боги говорятъ, что ты намъ ничего не сдѣлаешь».—«Лгутъ ваши боги», сказалъ Янъ». Они сказали на то: «Судить насъ Святославу, а ты не можешь ничего намъ сдѣлать». Янъ сталъ ихъ бить и дергать за бороды; они стояли на-своемъ: «судить насъ Святославу», и вложилъ имъ Янъ обрубокъ деревянный въ ротъ и велѣлъ волочить по Шекснѣ за своими лодками. Остановясь на устьѣ Шексны, спросилъ онъ ихъ: «Что говорятъ ваши боги?»—«Говорятъ они, что не быть намъ живыми отъ тебя-»—«Правду говорятъ они», сказалъ Янъ.—«Если ты насъ пустишь, прибавили волхвы, то будетъ тебѣ много добра; а если по-

губишь насъ, то будетъ много зла». Онъ же сказалъ: «Пущу васъ, то будетъ мнѣ много зла отъ Бога», и спросилъ гребцовъ: «Не убили ли они кого изъ родственниковъ вашихъ?» Оказалось, что у одного убили мать, у другаго сестру, у третьяго дочь. «Мстите за своихъ», сказалъ Янъ, и взяли гребцы и повѣсили волхвовъ, а на другую ночь пришелъ медвѣдь и съѣлъ ихъ тѣла.

Другой волхвъ появился въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, сынѣ этого Святослава, и прельстилъ почти весь городъ потому, что говорилъ: «я все вѣдаю», и хулилъ вѣру христіанскую; говорилъ онъ: «перейду черезъ Волховъ передъ всѣми». Всталъ мятежъ въ городѣ; всѣ повѣрили волхву и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявъ крестъ, облекся въ ризу и, ставъ посреди народа, сказалъ: «Кто вѣритъ волхву, пусть идетъ за нимъ; кто вѣритъ кресту, пусть идетъ ко мнѣ». Только князь Глѣбъ и дружина его подошли къ епископу, а всѣ остальные пошли за волхвомъ. Князь, спрятавъ топоръ подъ плащемъ, пришелъ къ волхву и сказалъ ему: «Знаешь ли что будетъ утромъ или хоть до вечера?»—«Все знаю», сказалъ волхвъ. Глѣбъ опять спросилъ его: «Знаешь ли что будетъ сегодня?»—«Чудеса великія сотворю», сказалъ волхвъ. Глѣбъ вынулъ топоръ и убилъ его.

Въ Ростовѣ тоже христіанство принималось туго: первые епископы, *Θеодоръ* и *Иларіонъ*, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ и Θеодоръ только въ окресностяхъ Суздаля обратилъ нѣкоторыхъ. Св. *Леонтій* явился въ ростовскую землю почти черезъ сто лѣтъ послѣ крещенія святого Влади-

міра (1070); язычники и его изгнали; онъ ушелъ за городъ, построилъ тамъ деревянную церковь св. Михаила архангела и сталъ сзывать къ себѣ дѣтей: ласкалъ ихъ, кормилъ, а потомъ крестилъ. За дѣтьми стали обращаться нѣкоторые и взрослые. Закоренѣлые язычники сердились на Леонтія, но святой, укрѣпляясь постомъ и молитвой, явился опять въ городъ и вошелъ въ соборную церковь. Язычники, кто съ дубинкою, а кто и съ оружіемъ, окружили церковь и хотѣли убить св. Леонтія. Причетъ церковный испугался; святой успокоилъ его; потомъ, надѣвъ ризы и велѣвъ священникамъ и діаконамъ тоже облачиться, вышелъ къ язычникамъ: увидя какъ онъ спокоенъ и твердъ, язычники смутились и смирились. Тогда многіе приняли вѣру христіанскую. Однако и послѣ того язычники не разъ вооружались на святителя и наконецъ убили его. Много трудился и преемникъ его св. *Исаія*. Около того же времени жилъ въ ростовской землѣ св. *Авраамій*. Съ малыхъ лѣтъ святой возгорѣлъ ревностію къ вѣрѣ христіанской и хотѣлъ разрушить идола *Волоса*, которому покланялись въ Ростовѣ, и не могъ сдѣлать этого. И было ему видѣніе, чтобы онъ шелъ въ Іерусалимъ, помолился тамъ въ домѣ Іоанна Богослова и получитъ желаемое. Пошелъ Авраамій; но дорогой было ему новое видѣніе: получилъ онъ жезлъ и тѣмъ жезломъ разрушилъ идола и на его мѣстѣ поставилъ монастырь. Вотъ какъ долго христіанство боролось съ язычествомъ въ Ростовѣ, гдѣ княземъ былъ св. Борисъ!

Въ Муромѣ, гдѣ княземъ былъ св. Глѣбъ, тоже туго прививалось христіанство. Послѣ убіенія Глѣба,

о которомъ разскажемъ послѣ, здѣсь даже почти и не осталось христіанъ. Около 1100 л. прибылъ туда князь Константинъ Святославичъ (правнукъ св. Владиміра, котораго, какъ говорятъ, иначе звали Ярославомъ). Отправляясь въ свою область, князь Константинъ послалъ передъ собою сына своего князя Михаила съ немногими въ городъ Муромъ, который не хотѣлъ покориться. Михаилъ хотѣлъ склонить муромцевъ льготами, но тѣ убили его; Муромцы затворились въ городѣ въ ожиданіи прихода князя, который на пути нашелъ тѣло сына своего, брошенное въ лѣсу, и горько плакалъ надъ нимъ; потомъ поразилъ вышедшую ему на встрѣчу вооруженную толпу гражданъ и заставилъ покориться городъ. Вступивъ на свой престолъ, построилъ онъ въ Муромѣ церковь Благовѣщенія, а потомъ другую—Бориса и Глѣба. Въ церкви Благовѣщенія похоронилъ онъ своего сына. Язычники дивились, что хоронили безъ тризны, которая состояла въ дракахъ и въ томъ, что, для выраженія печали, родственники рѣзали себѣ лица ножомъ; дивились и тому, что не насыпали надъ умершимъ высокаго холма, какъ то водилось у язычниковъ. Горько было видѣть князю Константину, что народъ его все-таки оставался языческимъ, и говорилъ онъ самъ себѣ: «Что вся жизнь моя? что мое богатство? все то за суету считаю! если не обращу людей, мнѣ подвластныхъ, къ Господу Богу, то какъ предстану передъ лице Его», и старался онъ склонить свой народъ креститься иногда ласкою, а иногда и строгостью; но ничто не помогало; составился даже заговоръ убить его, и пришли люди на дворъ княжой съ оружіемъ и дрекольями.

Князь заперся въ своемъ теремѣ съ семьей, священниками и дружиною и усердно молился, постился и потомъ одинъ, съ образомъ Богородицы въ рукахъ, вышелъ къ разъяренному народу и кроткимъ словомъ усмирилъ его. Народъ до того умилился, что сталъ просить князя крестить ихъ. Князь съ радости пошелъ благодарить Бога въ храмъ Богородицы; потомъ, положивъ на весь народъ постъ, приготовилъ ихъ къ крещенію. Послѣ крещенія, на радости, сдѣлалъ великій пиръ всему народу. Съ тѣхъ поръ любилъ народъ своего князя и горько плакалъ о немъ, когда онъ умеръ. Такъ и разсказывается въ житіи его о крещеніи города Мурома.

Земля вятичей по Окѣ, въ окрестностяхъ Курска, оставалась некрещеною еще лѣтъ сто послѣ Мурома. Здѣсь явился св. Кукша, одинъ изъ иноковъ Печерскаго монастыря, (о которомъ разскажемъ послѣ), и здѣсь погибъ онъ во время своей проповѣди.

Все это мы разсказали для того, чтобы показать, какъ долго утверждалось христіанство на Руси; обычаи же языческіе существовали еще дольше, а иные и до-сихъ-поръ существуютъ; теперь же опять обратимся къ св. Владиміру.

На другой годъ послѣ крещенія своего началъ строить Владиміръ церковь св. Богородицы; для постройки вызваны были мастера изъ Греціи, и только черезъ восемь лѣтъ была она окончена. Церковь вышла дивная: теперь, послѣ татарскаго погрома, остались отъ нея только развалины и то приходятъ дивиться имъ. Радъ былъ Владиміръ окончанію церкви и, вошедъ въ нее, началъ молиться Богу, говоря: «Го-

споди Боже! кто помолится въ церкви сей, исполни молитву его ради Пречистыя Твоея Матери». Потомъ, помолясь, сказалъ: «Даю въ церковь сію десятую часть отъ имѣній моихъ и городовъ моихъ», и стала потому называться церковь та Десятинною, и поставилъ въ ней Владиміръ священникомъ корсунянина Анастаса и далъ въ нее всѣ сосуды и иконы, которые привезъ съ собою изъ Корсуня. На радости сдѣлалъ великій пиръ епископамъ и боярамъ. Послѣ крещенія сталъ Владиміръ очень милостивъ. Слыша разъ въ церкви слова Евангелія: «блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ», велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжой и брать что ему нужно: пищу, питье и даже деньги. Устроивъ это, онъ сказалъ: «больные и старые не могутъ приходить къ двору моему» и велѣлъ положить на возъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разные, налить въ бочки медъ и квасъ, возить все это по городу, кричать: «гдѣ больные, нищіе, которые не могутъ ходить?» и раздавать такимъ пищу. Для дружины своей, бояръ и почетныхъ горожанъ устроилъ постоянный столъ въ своихъ хоромахъ, гдѣ каждый могъ пить и ѣсть при князѣ и безъ князя: всего было въ изобиліи. Разъ, когда гости подпили, начали они роптать на князя: «срамъ нашимъ головамъ: ѣдимъ мы деревянными, а не серебряными ложками». Дошло это до Владиміра и велѣлъ онъ выковать ложки серебряныя, говоря: «серебромъ и золотомъ не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, какъ добывали отецъ мой и дѣдъ». Много любилъ Владиміръ свою дружину и совѣтовался съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, и до сихъ

поръ живетъ память въ пѣсняхъ о пирахъ *Владиміра краснаго солнышка* и о богатыряхъ его. Разъ, когда увеличилось число разбойниковъ (можетъ быть изъ нежелавшихъ креститься нѣкоторые ушли въ лѣса, пошли на разбой), епископы греки, непривычные къ русскимъ порядкамъ: тогда смертной казни не было, а существовала денежная *вира* (т. е. штрафъ), стали говорить Владиміру: «умножились разбойники, отчего ты не казнишь ихъ?»—«Боюсь грѣха», сказалъ Владиміръ.—«Ты поставленъ отъ Бога—сказали епископы — на казнь злымъ и на награду добрымъ. должно казнить разбойниковъ, но съ разборомъ»; Владиміръ началъ казнить; но когда стало не доставать денегъ на войну съ печенѣгами, тѣ же епископы посовѣтовали снова брать виры.

Нападенія печенѣговъ были главною бѣдою того времени. Разъ пришли они за рѣку Сулу. Владиміръ встрѣтилъ ихъ у рѣки Трубежа (что близъ Переяславля, въ Полтавской губерніи), и стояли оба войска каждое на своей сторонѣ, не смѣя перейти на другую. Пріѣхалъ къ рѣкѣ князь печенѣжскій, вызвалъ Владиміра и сказалъ: «Выпусти ты своего мужа, а я своего: пусть борятся; если твой побѣдитъ нашего, то не будемъ воевать три года; а если нашъ побѣдитъ твоего, то будемъ воевать три года». Владиміръ, возвратясь въ свой станъ, послалъ кличъ кликать по обозу: «нѣтъ ли мужа, который поборолся бы съ печенѣгомъ?» и не нашлось никого. На утро пріѣхали печенѣги и привели своего мужа, а у насъ не нашлось никого. И началъ тужить Владиміръ и послалъ по войску, и пришелъ старикъ къ князю и сказалъ ему:

«Князь! я вышелъ съ четырьмя сыновьями, а меньшой сынъ остался у меня дома; съ дѣтства никто не могъ его ударить. Разъ я побранилъ его, а онъ мялъ кожи и, разсердясь на меня, перервалъ ихъ руками». Князь былъ радъ и послалъ за юношею; привели его къ князю, и когда князь разсказалъ ему все, онъ сказалъ: «Не знаю, могу ли я. Попробую: нѣтъ ли большого и сильнаго быка?» Нашли такого быка; раздразнили быка раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ пустили. Побѣжалъ быкъ мимо юноши; онъ схватилъ его за бокъ и выхватилъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владиміръ сказалъ послѣ этого: «можешь бороться». Поутру пришли печенѣги, начали кликать: «нѣтъ ли мужа? Нашъ уже готовъ». Еще ночью Владиміръ велѣлъ вооружиться юношѣ, и сошлись богатыри. Выпустили печенѣги своего богатыря: онъ былъ огромнаго роста и страшной силы и посмѣялся надъ русскимъ богатыремъ, который былъ средняго роста. Отмѣрили мѣсто между двумя войсками и пустили ихъ драться; крѣпко боролись они, наконецъ русскій богатырь задушилъ печенѣга и повалилъ его на землю. Побѣжали печенѣги съ крикомъ, а русскіе погнались за ними, рубя ихъ.

Въ другой разъ пришли печенѣги къ Василеву (близъ Кіева); вышелъ противъ нихъ Владиміръ съ малою дружиною, и стали одолѣвать печенѣги. Владиміръ спрятался отъ враговъ подъ мостъ. Сѣча эта была въ день Преображенія, и обѣщался Владиміръ, если спасется, построить въ Василевѣ церковь Преображенія. Когда спасся, исполнилъ обѣщаніе, поставилъ церковь и сдѣлалъ пиръ: сварилъ 300 корчагъ

меда, накормилъ бояръ и старцевъ изъ всѣхъ городовъ, а убогимъ роздалъ 300 гривенъ (т. е. фунтовъ серебра). Праздновалъ князь 8 дней и, возвратясь въ Кіевъ, опять сдѣлалъ пиръ и созвалъ на него множество народу.

Разъ пошелъ Владиміръ въ Новгородъ набирать войско противъ печенѣговъ, которые безпрестанно тревожили его землю. Узнали объ этомъ печенѣги и стали около Бѣлгорода; обступили городъ такъ, что никому и выйти было нельзя; сдѣлался голодъ, а помощи отъ Владиміра ждать было нечего: у него самого не было войска. Собралась въ городѣ сходка, и стали говорить на сходкѣ: «Мы уже умираемъ съ голода, а отъ князя нѣтъ помощи. Чѣмъ умирать всѣмъ, не лучше ли отдаться печенѣгамъ: они кого убьютъ, а кого и отпустятъ; все равно, вѣдь умираемъ же съ голода». На томъ и рѣшили. Былъ одинъ старикъ, неприходившій на сходку; спросилъ онъ: «зачѣмъ была сходка?» и сказали ему: «люди хотятъ завтра отдаться печенѣгамъ». Услыхавъ это, послалъ онъ за старшинами и сказалъ: «Слышалъ я, что хотите отдаться печенѣгамъ». Они сказали: «Люди не могутъ переносить голода». На это сказалъ онъ имъ: «Послушайтесь меня: не передавайтесь три дня и сдѣлайте, что я вамъ скажу». Когда они обѣщались, онъ сказалъ: «Сберите хоть по горсти овса или пшена, или отрубей»; они исполнили. Онъ велѣлъ женщинамъ сварить принесенное, какъ варятъ кисель, потомъ выкопать колодецъ, вставить кадку и влить въ нее это варево. Потомъ велѣлъ сыскать меду; нашли, разсытили этотъ медъ, по его наставленію, и влили въ кад-

ку, поставленную въ другой колодецъ. Утромъ, по его совѣту, позвали печенѣговъ, которые послали десять человѣкъ изъ своихъ, когда горожане дали имъ своихъ заложниковъ. Пришли печенѣги въ городъ, надѣясь, что горожане сдадутся, а тѣ сказали имъ: «За чѣмъ вы себя губите? развѣ можете заставить насъ сдаться? десять лѣтъ простоите и все-таки ничего не сдѣлаете: насъ кормитъ земля; если не вѣрите, посмотрите». Попробовали Печенѣги изъ обоихъ колодцевъ, подивилилсь и сказали: «Князья наши не повѣрятъ, если сами не поѣдятъ». Попробовали и князья и отступили отъ города.

За годъ до смерти новое горе узналъ Владиміръ: сынъ его Ярославъ, князь новгородскій, отказался платить дань 300 гривенъ, которую всегда платили новгородцы. Велѣлъ Владиміръ поправлять дороги, мостить мосты, готовясь идти на Ярослава, а Ярославъ послалъ къ варягамъ за море искать помощи. Готовясь къ войнѣ, Владиміръ разболѣлся въ любимомъ селѣ своемъ Берестовѣ и умеръ (15-го іюля 1015 г). Бывшіе при немъ хотѣли скрыть его смерть, потому что любимый сынъ его, Борисъ, былъ въ то время на войнѣ съ печенѣгами а въ Кіевѣ былъ старшій сынъ его Святополкъ. Окружившіе Владиміра не любили Святополка и не хотѣли, чтобы онъ сдѣлался княземъ кіевскимъ, а тогда кіевскій князь считался старшимъ, и всѣ остальные должны были повиноваться ему. Потому они спустили тѣло Владиміра ночью, проломавъ полъ (жилье было вставрину на верху, а внизу помѣщались службы). Борисъ, однако, не подоспѣлъ и они должны были свезти тѣло

Владиміра въ Кіевъ и поставить въ церкви Богородицы. Узнавши это, люди сошлись плакать по немъ безъ числа: бояре плакали, какъ о защитникѣ земли, убогіе—какъ о заступникѣ и кормильцѣ; со слезами положили тѣло блаженнаго князя въ мраморную раку и схоронили его.

Святополкъ сѣлъ такимъ образомъ въ Кіевѣ по отцѣ своемъ, призвалъ кіевлянъ и началъ дарить имъ; они принимали его дары, но сердце ихъ было не съ нимъ потому, что братья ихъ были съ Борисомъ, а Борисъ тогда уже возвращался: печенѣгъ онъ уже не настигъ; на возвратномъ пути онъ услышалъ, что отецъ умеръ и горько плакалъ объ отцѣ, который его очень любилъ. Остановился онъ тогда на рѣкѣ Альтѣ (въ Полтавской губерніи); пришла къ нему дружина и сказала: «У тебя отцовское войско, пойди и сядь на столѣ (престолѣ) отцовскомъ въ Кіевѣ». Онъ же отвѣчалъ имъ: «Не подыму руки на старшаго брата: теперь, когда умеръ отецъ, онъ мнѣ вмѣсто отца». Услыхавъ это, дружина разошлась. Святополкъ спѣшилъ обмануть Бориса и послалъ сказать ему: «Я хочу быть въ ладу съ тобою и еще прибавить къ тому, что далъ тебѣ отецъ»; а между тѣмъ поѣхалъ ночью въ Вышгородъ (близъ Кіева) и позвалъ къ себѣ какого-то Путшю и нѣсколькихъ вышгородцевъ и сказалъ имъ: «Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?» Они отвѣчали: «Мы готовы сложить за тебя свои головы». Тогда онъ сказалъ имъ: «Не говоря никому, подите и убейте брата моего Бориса». Ночью пришли убійцы на Альту и, подступивъ къ шатру Бориса, услыхали, что блаженный поетъ заутреню: онъ уже

зналъ, что его хотятъ убить. Помолясь, онъ легъ спать. Тогда убійцы, какъ дикіе звѣри, обступили шатеръ и прокололи копьемъ Бориса и слугу его. Слугу этого, родомъ венгра, по имени Георгія, очень любилъ Борисъ и надѣлъ ему на шею золотое ожерелье. Убійцы, не могши снять ожерелья, срубили ему голову и потому послѣ не могли найти тѣла въ трупахъ другихъ, тогда же убитыхъ слугъ Бориса. Бориса повезли на телегѣ: онъ еще былъ живъ. Узнавъ объ этомъ, Святополкъ послалъ двухъ варяговъ приколоть его мечомъ. Такъ умеръ Борисъ.

Святополкъ, убивъ Бориса, задумалъ, также убить Глѣба, и съ коварствомъ послалъ сказать Глѣбу: «Пріѣзжай скорѣе: отецъ очень боленъ». Глѣбъ собрался быстро, сѣлъ на коня и поѣхалъ съ небольшою дружиною. У Волги конь его споткнулся и онъ ушибъ ногу; тогда сѣлъ въ лодку; потомъ перешелъ въ Днѣпръ и подходилъ уже къ Смоленску. Былъ онъ уже вблизи отъ этого города, какъ получилъ извѣстіе отъ Ярослава: «Не ходи: отецъ умеръ, а брата убилъ Святополкъ». Услыхавъ это, Глѣбъ началъ плакать и молиться, говоря: «Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, чѣмъ жить на семъ свѣтѣ. Братъ мой! еслибы я видѣлъ твое лицо ангельское, еслибы я умеръ съ тобою! А теперь зачѣмъ я остался одинъ?» Когда онъ такъ говорилъ, пришли убійцы, посланные Святополкомъ, захватили Глѣбову лодку и обнажили оружіе. Уныли бывшіе съ Глѣбомъ; убійца Горясѣръ велѣлъ скорѣе оканчивать съ Глѣбомъ, и поваръ Глѣбовъ, по имени Торчинъ, вынувъ ножъ, зарѣзалъ Глѣба. Тѣло святого оставили въ лѣсу

между двумя колодами. Только послѣ нашли его и вмѣстѣ съ братомъ положили въ Вышгородѣ, гдѣ построили сначала маленькую, а потомъ большую церковь и стали на всей Руси чествовать память святыхъ мучениковъ. Потомъ Святополкъ послалъ убить Святослава, котораго настигли на пути въ Венгрію, куда онъ собирался бѣжать. Тогда началъ помышлять: «избію братью и буду одинъ владѣть на Руси», и началъ задобривать кіевлянъ, даря кому платье, кому деньги.

Между тѣмъ Ярославъ въ Новгородѣ сначала еще не зналъ о томъ, что дѣлается и готовился къ войнѣ съ отцомъ. Варяги, которыхъ онъ собралъ, начали притѣснять новгородцевъ. Встали новгородцы и избили варяговъ. Ярославъ разсердился, но схитрилъ: послалъ сказать новгородцамъ: «Мнѣ уже не воскресить ихъ», и позвалъ къ себѣ важнѣйшихъ горожанъ будто на пиръ, и изрубилъ ихъ. Въ ту же ночь прислала ему изъ Кіева сестра Предслава сказать, что случилось. Опечалился Ярославъ, послалъ извѣстить Глѣба, а самъ поутру собралъ новгородцевъ и сказалъ имъ: «Милая моя дружина! вчера изрубилъ ее, а сегодня она мнѣ нужна»; потомъ утеръ слезы и прибавилъ: «отецъ мой умеръ, Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, избивая братью». Сказали ему тогда новгородцы: «хоть и избиты наши братья, но мы можемъ оборонять тебя»; и собралъ Ярославъ варяговъ 1000, а другихъ 40,000 и пошелъ противъ Святополка, призвавъ на помощь Бога и сказавъ: «не я началъ избивать братью, а онъ; да мститъ Богъ кровь братіи моей; безвинно пролилъ кровь праведную Бориса и Глѣба.

Да судитъ Богъ по правдѣ». Святополкъ, услыхавъ объ походѣ, тоже приготовилъ войско и сталъ на берегу Днѣпра, у Любича. И стояли оба войска одно противъ другаго три мѣсяца, и сталъ воевода Святополковъ, ѣздя по берегу, укорять новгородцевъ: «За чѣмъ вы, плотники, пришли сюда съ этимъ хромымъ? мы заставимъ васъ строить хоромы». Тогда Днѣпръ началъ мерзнуть. У Ярослава былъ пріятель въ станѣ Святополка и послалъ къ нему Ярославъ ночью сказать: «Что посовѣтуешь сдѣлать: меду варено мало, а дружины много». Онъ отвѣчалъ: «Скажите Ярославу: коли меду мало, пусть подастъ его къ вечеру». Ярославъ понялъ, что онъ совѣтуетъ биться ночью и велѣлъ своимъ готовиться, повязать платками головы, чтобы въ темнотѣ можно было распознавать другъ друга; а Святополкъ всю ночь пилъ со своими. Переправился Ярославъ, бились до свѣту и побѣдили Святополка, который бѣжалъ къ тестю своему, польскому королю Болеславу.

Прошелъ годъ. Болеславъ пришелъ съ Святополкомъ противъ Ярослава. Ярославъ вышелъ на встрѣчу имъ къ рѣкѣ Бугу на Волыни. Оба войска стали другъ противъ друга; рѣка раздѣляла ихъ; дядька Ярослава, Будый, началъ задирать Болеслава, говоря: «дай-ка я проткну палкою твое толстое брюхо», а Болеславъ былъ такъ толстъ, что едва могъ сидѣть на конѣ; но былъ онъ смышленъ и сказалъ войску: «если васъ не обижаетъ эта укоризна, то я одинъ погибну», сѣлъ на коня, переплылъ рѣку, а за нимъ все войско. Ярославъ не приготовился, былъ разбитъ и убѣжалъ въ Новгородъ только съ четырьмя

человѣками; Святополкъ же съ Болеславомъ пришли въ Кіевъ. Сказалъ Болеславъ Святополку: «Разведи мое войско на покормъ по городамъ», что и было сдѣлано. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ, онъ хотѣлъ уйти за море къ варягамъ, но Константинъ, сынъ Добрынинъ, съ новгородцами, разрубили его лодку и сказали: «хотимъ биться съ Болеславомъ и Святополкомъ» и стали собирать деньги; на тѣ деньги наняли за моремъ варяговъ, а между тѣмъ Святополкъ велѣлъ избивать ляховъ, которые стояли по городамъ. Болеславъ, обиженный этимъ, ушелъ изъ Кіева, захвативъ все имѣніе Ярослава, взялъ сестру его себѣ въ наложницы и корсунянина Анастаса къ себѣ въ казначеи. Ярославъ тогда пошелъ на Святополка, выгналъ его изъ Кіева, и бѣжалъ Святополкъ къ печенѣгамъ, а на слѣдующій годъ пошелъ съ печенѣгами на Ярослава.

Ярославъ встрѣтилъ Святополка на берегу Альты и ставъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ, поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко! мсти за кровь праведнаго, какъ мстилъ за кровь Авеля, положивъ на Каина стенаніе и трясеніе», потомъ прибавилъ: «Братья мои! хоть вы тѣломъ и не здѣсь, но молитвою помогите мнѣ противъ этого гордаго убійцы». Битва началась съ восходомъ солнечнымъ и продолжалась до вечера; три раза сходились въ рукопашный бой, наконецъ одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ убѣжалъ въ пустыню между чехами и ляхами и тамъ умеръ. Ярославъ же сѣлъ опять въ Кіевѣ. Изъ братьевъ остались въ живыхъ только Судиславъ и Мстиславъ, да былъ

еще племянникъ Брячиславъ Полоцкій. Брячислава скоро Ярославъ подчинилъ себѣ; съ Судиславомъ жилъ онъ сначала мирно, а черезъ нѣсколько лѣтъ посадилъ въ тюрьму; съ Мстиславомъ же было не такъ легко справиться.

Мстиславъ этотъ княжилъ въ Тмуторокани, на устьѣ Кубани рѣки. Онъ прозванъ за свою храбрость *Удалымъ*. Вотъ какъ разсказываютъ объ одномъ его подвигѣ. Воевалъ онъ съ касогами (черкесами); князь ихъ Редедя сказалъ ему: «зачѣмъ мы губимъ дружины свои; давай лучше бороться: ты одолѣешь, возьми имѣніе мое, жену мою и дѣтей; я одолѣю—возьму все твое». Мстиславъ согласился. Боролись долго; началъ одолѣвать Редедя: былъ онъ высокъ ростомъ и силенъ. Тогда Мстиславъ воскликнулъ: «О Пречистая Богородица! помоги мнѣ: если я одолѣю, то построю церковь во имя Твое». Сказавши это, повалилъ Касога на землю. Воротясь въ Тмутороканъ, онъ построилъ церковь св. Богородицы. Недовольный тѣмъ, что Ярославъ все взялъ себѣ, а съ нимъ не дѣлится, Мстиславъ пришелъ къ Кіеву, когда Ярославъ былъ въ Новгородѣ; но кіевляне не пустили его къ себѣ; тогда онъ пошелъ къ Чернигову и сѣлъ тамъ. Узналъ объ этомъ Ярославъ и послалъ за море къ варягамъ; пришелъ къ нему Якунъ, который носилъ золотомъ тканный плащъ (луду). Пошли они на Мстислава и сошлись у Листвена, близъ Черниго́ва. Мстиславъ такъ устроилъ войско, что противъ варяговъ поставилъ сѣверянъ (славянское племя, жившее въ Черниговской области: отъ нихъ и до сихъ поръ называется городъ Новгородъ-Сѣверскій), а самъ съ

дружиною сталъ на крылѣ. Наступила темная ночь, поднялась гроза и тогда Мстиславъ вступилъ въ битву: изрубили варяги сѣверянъ и утомились; тутъ Мстиславъ повелъ на нихъ свою дружину. Страшна была эта сѣча при блескѣ молніи. Увидалъ Ярославъ, что его побѣждаютъ, ушелъ въ Новгородъ, а Якунъ, который потерялъ даже свой плащъ, бѣжалъ за море. Обошелъ поутру Мстиславъ поле битвы, посмотрѣлъ на тѣла убитыхъ сѣверянъ и варяговъ и сказалъ: «Кто бы не былъ радъ этому? вотъ лежитъ сѣверянинъ, вотъ варягъ, а дружина цѣла», и послалъ сказать Ярославу: «Сядь въ Кіевѣ: ты старшій братъ, а мнѣ пусть будетъ та сторона»; но Ярославъ долго не вѣрилъ ему и не шелъ въ Кіевъ; наконецъ они помирились и раздѣлили Днѣпромъ русскую землю. Пока живъ былъ Мстиславъ, братья жили въ миру; на двѣнадцатый годъ (1036 г.) послѣ битвы лиственской Мстиславъ пошелъ на охоту и умеръ. Былъ онъ толстъ; лицо у него было красное, глаза большіе; былъ онъ храбръ на войнѣ; много любилъ свою дружину, не щадилъ для нея ни денегъ, ни питья, ни кушанья. Тогда Ярославъ остался одинъ владѣть землею русскою.

Ярославъ не оставлялъ войны: такъ ходилъ онъ не разъ въ Польшу на помощь тамошнему королю, ходилъ въ землю чуди, гдѣ построилъ городъ Юрьевъ, по своему христіанскому имени: звали его Юріемъ или Георгіемъ (теперь на этомъ мѣстѣ городъ Дерптъ); посылалъ сына своего Владиміра противъ грековъ, которые стали обижать русскихъ купцовъ. Походъ этотъ былъ неудаченъ: греки набрали много

плѣнныхъ и ослѣпили ихъ всѣхъ. Но больше Ярославъ оставался въ Кіевѣ и строилъ церкви и монастыри. Самая важная изъ церквей, которыя онъ построилъ—св. Софіи, сооруженная по образцу царе-градской. Обвелъ онъ Кіевъ новою стѣною и, какъ въ Царѣградѣ, устроилъ золотыя вороты. При немъ вѣра христіанская начала сильно укрѣпляться. Ярославъ любилъ бесѣдовать съ священниками, любилъ читать книги, собиралъ писцовъ и приказывалъ имъ переписывать книги (тогда еще печатать не умѣли); а если какая книга была еще не переведена, да узнавалъ о ней Ярославъ, что есть она по-гречески, то велѣлъ переводить ее. Не одними церковными дѣлами занимался Ярославъ: новгородцамъ, которые такъ много помогли ему, онъ далъ льготныя граматы, и новгородцы требовали отъ каждаго князя, чтобы онъ клялся сохранить граматы Ярославовы. Память его они сильно чтили: дворъ княжій у нихъ постоянно назывался *Дворомъ Ярославовымъ*; кромѣ того, при Ярославѣ записаны тѣ обычаи, по которымъ судили изстари и назвали эту запись *Русскою Правдою*; потомъ ее дополняли, и долго только по ней велся судъ на Руси. Въ ней еще не отмѣненъ былъ обычай—за смерть родственника мстить всему роду убійцы, только указано, кто именно можетъ мстить: могли мстить самые близкіе родные. Сыновья Ярослава и это уничтожили и уставили за убійство платить деньги. Показаны пени за убійство, раны и т. д.; показано, что, въ случаѣ, если не найдутъ убійцу, платитъ пеню вся община: стало быть еще тогда существовала у насъ круговая порука.

До Ярослава наши митрополиты не только ставились въ Царѣградѣ патріархомъ, но и назначались тамъ; даже епископы были или греки или болгаре; только священники были уже и изъ русскихъ. Еще Владиміръ велѣлъ при церквахъ учить дѣтей читать, чтобы сдѣлать ихъ священниками. Сначала матери, отпуская дѣтей въ училище, плакали по нимъ, какъ по мертвымъ. Ярославъ въ то время, какъ не ладилъ съ греками, задумалъ поставить митрополита изъ русскихъ и чтобъ его поставили русскіе епископы. Былъ въ селѣ Берестовѣ, куда Ярославъ любилъ ѣздить, священникъ въ церкви святыхъ Апостоловъ, по имени Иларіонъ, человѣкъ добрый, книжный и строгій постникъ: часто ходилъ онъ молиться въ лѣсъ надъ Днѣпромъ, ископалъ себѣ въ берегу пещерку и тамъ молился; его-то выбралъ Ярославъ и поставилъ въ митрополиты. Пещерка осталась пустая; поселился тамъ св. Антоній и основалъ Печерскій монастырь. Объ этомъ скажемъ послѣ.

Поставивъ Иларіона, Ярославъ прожилъ только три года. Собираясь умирать (1054), позвалъ онъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: «Отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои; имѣйте между собою любовь, потому что вы братья, одного отца и одной матери дѣти. Если будете любить другъ друга, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ всѣхъ супротивныхъ, и станете жить мирно; если же будете съ ненавистію ссориться, то погибнете сами и погубите землю, которую отецъ и дѣдъ вашъ добыли трудомъ великимъ. Пребывайте мирно, слушайтесь (какъ меня слушались) старшаго брата Изяслава, которому оставляю старшій городъ

Кіевъ, Святославу даю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу—Смоленскъ, Игорю—Владиміръ Волынскій». И раздѣливъ имъ города, запретилъ переступать предѣлъ братнинъ и сгонять брата. Изяславу же сказалъ: «Если кто обидитъ брата, то помогай тому, кого обидѣли». Потомъ уже, совсѣмъ больной, поѣхалъ въ Вышгородъ и тамъ еще больше разболѣлся, и былъ при немъ только Всеволодъ, котораго онъ любилъ больше другихъ братьевъ. Когда онъ умеръ, повезли его въ Кіевъ и положили въ мраморную раку въ церкви св. Софіи.

Не задолго до смерти Ярослава въ той пещерѣ, гдѣ спасался Иларіонъ, поселился, какъ сказано, Антоній. Былъ онъ родомъ изъ города Любеча (въ Черниговской губерніи); въ міру его звали Антипою. Съ дѣтства благочестивый, онъ почувствовалъ желаніе къ уединенной жизни и рѣшился идти на святую гору Аѳонскую, которая въ то время славилась святостью иноковъ своихъ. Обходя тамошніе монастыри, Антипа еще сильнѣе пожелалъ иночества и упросилъ одного изъ тамошнихъ игуменовъ постричь его; въ монашествѣ онъ получилъ имя Антонія. Постригшись, онъ удалился въ пещеру, которую и до-сихъ-поръ показываютъ на Святой горѣ. Игуменъ, постригавшій Антонія, видя его подвиги, сказалъ ему однажды: «Антоній! иди опять въ Русь и да будетъ надъ тобою благословеніе Святыя горы: многіе иноки произойдутъ отъ тебя».

Пришелъ Антоній въ Кіевъ и пошелъ по монастырямъ тамошнимъ; но не понравилась ему жизнь въ этихъ монастыряхъ: построены они были князьями

да знатными людьми, и жили въ нихъ иноки какъ въ міру. Пошелъ тогда Антоній по дебрямъ и горамъ и пришелъ къ пещеркѣ, выкопанной Иларіономъ, понравилась она ему и началъ онъ со слезами молиться Богу: «Господи! утверди меня въ мѣстѣ семъ! да будетъ на немъ благословеніе Св. горы и игумена, который постригъ меня». Сталъ онъ копать пещеру, трудясь съ постомъ и молитвою. Скоро узнали о немъ люди и стали приносить ему все, что̀ нужно для жизни. Приходящіе просили у него благословенія, а иные поселялись съ нимъ. Первый поселился св. Никонъ; мы не знаемъ откуда онъ былъ родомъ, знаемъ только, что онъ былъ священникъ и что св. Антоній поручилъ ему постригать тѣхъ, кто желалъ съ ними остаться. Потомъ пришелъ св. Ѳеодосій.

Родился Ѳеодосій въ городѣ Василевѣ (близъ Кіева); родители его были христіане и люди благочестивые. По повелѣнію князя переселились они въ городъ Курскъ. Съ дѣтства святой отличался большимъ благочестіемъ: ходилъ каждый день въ церковь и внимательно слушалъ слово Божіе; игръ дѣтскихъ не любилъ; носилъ всегда одежду худую и въ заплатахъ. Родители заставляли его надѣвать чистую одежду и идти играть съ дѣтьми, онъ же не слушался ихъ и все просилъ отдать его поучиться читать. Нашли учителя и онъ скоро выучился. Когда умеръ отецъ, Ѳеодосій былъ тринадцати лѣтъ отъ роду и тогда уже отличался подвигами смиренія; сталъ онъ выходить съ рабами своими въ поле и тамъ работать. Мать его часто за то бранила и даже била: была она сильна и крѣпка какъ мужчина; по Ѳеодо-

сій не слушался ея въ этомъ: не одѣвался въ нарядное платье и не шелъ на игры къ дѣтямъ. Слышалъ онъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ пострадалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и захотѣлъ итди поклониться тѣмъ мѣстамъ. Пришли въ домъ къ его матери странники; Ѳеодосій принялъ ихъ съ любовью и спросилъ: «Откуда вы?» Странники отвѣчали: «Отъ святыхъ мѣстъ, и если будетъ угодно Богу, идемъ опять туда же». Ѳеодосій сталъ просить ихъ взять и его съ собою; согласились странники. Ѳеодосій всталъ потихоньку ночью и ушелъ за ними вслѣдъ; узнала объ томъ мать и погналась за нимъ. Когда она догнала сына, то схватила его за волосы и начала бить ногами, а странниковъ стала бранить. Потомъ связала Ѳеодосія и связаннаго привела его въ свой домъ, гдѣ опять стала бить его, пока не устала. Когда же кончила, заперла его въ пустую комнату и привязала тутъ. Черезъ два дни она принесла ему пищу и выпустила его, но на ноги надѣла ему желѣза. Прошло еще нѣсколько дней, сжалилась мать надъ Ѳеодосіемъ, сняла желѣза и начала просить его не уходить; Ѳеодосій обѣщалъ ей это. Послѣ по-прежнему сталъ ходить каждый день въ церковь. Замѣтивъ, что иногда не бываетъ службы оттого, что некому печь просфоръ, онъ вздумалъ заняться этимъ дѣломъ. Такъ прошло двѣнадцать лѣтъ; сверстники его часто надъ нимъ смѣялись, но Ѳеодосій ничѣмъ не смущался; мать же его оскорблялась этими укоризнами и начала просить сына бросить это дѣло. Ѳеодосій отвѣчалъ ей: «Послушай меня, мать, прошу тебя, послушай: Самъ Господь нашъ смирился и принялъ видъ раба;

тѣмъ далъ онъ намъ примѣръ, чтобы и мы смирились Его ради. Былъ Онъ поруганъ и оплеванъ и заушенъ и все претерпѣлъ нашего ради спасенія, такъ не должны ли мы все терпѣть, чтобы пріобрѣсти Христа? А о дѣлѣ моемъ скажу тебѣ вотъ что: когда Господь возлежалъ на вечери съ учениками, тогда взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ его и сказалъ: «пріимите, ядите, сіе есть тѣло, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». Если самъ Господь нарекъ хлѣбъ Своею плотью, то какъ же не дѣлать мнѣ этого дѣла съ радостью?» Удивилась мать его мудрости и оставила его на время въ покоѣ; но черезъ годъ, видя, что онъ печетъ просфоры и почернѣлъ отъ дыма печи, огорчилась и начала опять то ласкою, то угрозою, то побоями отучать его отъ этого дѣла. Θеодосій опечалился этимъ и не зналъ, что ему дѣлать, всталъ разъ ночью и ушелъ въ другой городъ, бывшій неподалеку; тамъ поселился у священника и сталъ продолжать свое занятіе. Мать стала искать его въ Курскѣ, не нашла, и узнавъ, гдѣ онъ живетъ, съ гнѣвомъ пришла въ домъ священника, начала бить сына, увела домой и сказала ему: «Не смѣй уходить отъ меня! уйдешь, — найду, побью и связаннаго приведу домой». Покорился Θеодосій и только тѣмъ и веселился, что каждый день ходилъ въ церковь. Узналъ объ немъ начальникъ города, полюбилъ его за смиреніе и велѣлъ жить въ церкви при своихъ хоромахъ; далъ ему хорошую одежду и велѣлъ ходить въ ней. Θеодосій нѣсколько дней носилъ это платье, но потомъ оно надоѣло ему, какъ тяжесть какая, снялъ его и отдалъ нищимъ, а самъ попрежнему надѣлъ свое изо-

рванное платье. Увидалъ это начальникъ города, далъ ему еще лучшую одежду; онъ снялъ и ту и отдалъ нищимъ. Такъ дѣлалъ онъ много разъ, и, видя то, начальникъ города сталъ еще больше любить его за смиреніе. Однажды пошелъ Ѳеодосій къ кузнецу и велѣлъ ему сковать вериги, которыя и надѣлъ на себя. Какъ-то въ праздникъ пришла къ нему мать и велѣла надѣть ему чистое платье: въ тотъ день Ѳеодосію нужно было служить за столомъ начальника города, у котораго назначенъ былъ пиръ для всѣхъ знатныхъ людей того города. Началъ Ѳеодосій одѣваться при ней; мать же, увидя кровь на сорочкѣ его, разорвала сорочку, нашла подъ нею вериги, въѣвшіяся въ тѣло, сорвала вериги и стала бить съ яростью. Ѳеодосій же все перенесъ со смиреніемъ и съ веселымъ лицомъ пошелъ служить на пиръ.

Потомъ, слыша слова евангельскія: «Аще кто не оставитъ отца или матери и въ слѣдъ Мене не грядетъ, тотъ нѣсть Мене достоинъ», Ѳеодосій, воспользовавшись тѣмъ, что мать уѣхала на нѣсколько дней въ поле, вышелъ тайно изъ дома, взявъ съ собою только платье, которое на немъ было, да немного хлѣба, и пошелъ къ Кіеву, гдѣ, какъ онъ слышалъ, было уже много монастырей. Такъ какъ дороги онъ не зналъ, то, встрѣтя тяжелые возы, идущіе въ Кіевъ, пошелъ вслѣдъ за ними издали, не показываясь извощикамъ. Когда они останавливались почевать, онъ тоже ложился въ сторонѣ; такъ шелъ онъ три недѣли. Въ Кіевѣ обошелъ Ѳеодосій всѣ монастыри; но монахи, видя простаго юношу, въ изорванномъ платьѣ, не хотѣли принять его.

Услыхалъ тогда Ѳеодосій о святомъ Антоніи, что онъ живетъ въ пещерѣ, пришелъ къ нему, поклонился ему въ землю и со слезами просилъ взять его къ себѣ. Антоній сказалъ: «Видишь эту пещеру: она мѣсто скорбное и тѣсное; ты же, кажется, молодъ и не вынесешь скорби на мѣстѣ томъ». Ѳеодосій же отвѣчалъ ему съ умиленіемъ: «Знай, честный отче, что всевѣдецъ Богъ привелъ меня къ твоей святости и велитъ спасти меня, потому буду дѣлать, что ты велишь». Антоній сказалъ на то: «благословенъ Богъ, чадо, укрѣпившій тебя на этотъ подвигъ; будь въ семъ мѣстѣ». Ѳеодосій опять поклонился ему; старецъ благословилъ его и велѣлъ Никону постричь его, и сталъ Ѳеодосій жить съ ними въ пещерѣ, занимаясь постомъ, молитвою и трудами.

Мать долго искала его въ своемъ городѣ и окольныхъ городахъ, но, не находя, скорбѣла о немъ какъ о мертвомъ, однако все-таки объявила по всей странѣ той, что дастъ большую награду тому, кто скажетъ ей, гдѣ ея сынъ. Пришедшіе изъ Кіева сказали, что, четыре года передъ тѣмъ, ходилъ онъ по монастырямъ и просилъ постричь его. Услыхавъ это, пошла она, ни мало не медля, въ Кіевъ искать сына. Пришедши, обошла всѣ монастыри и узнала наконецъ, что онъ въ пещерѣ у Антонія. Пришла она къ пещерѣ и стала хитростью вызывать старца: «Скажите — говорила она — преподобному, чтобы онъ вышелъ ко мнѣ. Пришла я издалека, чтобы видѣть его, бесѣдовать съ нимъ и быть отъ него благословленною». Вышелъ къ ней Антоній; сначала говорила она о постороннемъ, потомъ уже открыла при-

чину своего прихода и сказала: «Прошу тебя, отче, скажи, здѣсь ли сынъ мой? много печалюсь я, не зная, живъ ли онъ?» Простодушный старецъ, не понявъ ея хитрости, сказалъ: «Сынъ твой живъ и здѣсь; не печалься о немъ». Сказала она ему на то: «Отчего-же я не вижу его? Пришла я издалека, чтобы видѣть его и уйдти назадъ». Сказалъ ей старецъ: «Если хочешь его видѣть, то ступай домой, а я пойду уговорю его, потому что онъ не хочетъ никого видѣть; приходи завтра и увидишь его». Пошелъ Антоній къ Ѳеодосію, сталъ просить его выйти къ матери; онъ не соглашался. На другой день пришла мать. Антоній опять пошелъ къ Ѳеодосію, опять уговаривалъ его и опять Ѳеодосій отказался. Вышелъ Антоній къ матери и сказалъ ей: «Много просилъ я сына твоего выйти къ тебѣ, да онъ не хочетъ». Тогда мать начала гнѣвно кричать: «обидѣлъ меня этотъ старецъ: сынъ мой у него, а онъ его спряталъ и не хочетъ мнѣ показать его. Покажи мнѣ его, старецъ, а если не покажешь, то убью сама себя передъ пещерою». Тогда Антоній снова взошелъ въ пещеру къ Ѳеодосію, сталъ просить его выйти къ матери, и едва упросилъ. Не хотѣлъ Ѳеодосій ослушаться старца и вышелъ къ матери. Опечалилась мать, когда увидала, какъ измѣнился сынъ отъ трудовъ и воздержанія; обняла его и такъ горько заплакала, что едва могли ее успокоить; потомъ сѣла и начала говорить Ѳеодосію: «Возвратись, чадо, въ домъ свой, дѣлай на волѣ что считаешь нужнымъ для спасенія души своей, только не разлучайся со мною; когда же я умру, тогда возвращайся въ пещеру, а я безъ

тебя жить не могу». Отвѣчалъ ей Ѳеодосій: «Если хочешь видѣть меня каждый день, то поди въ женскій монастырь и постригись; а если этого не сдѣлаешь, никогда меня не увидишь». Долго не хотѣла сдѣлать этого мать, наконецъ постриглась въ монастырѣ св. Николая, гдѣ прожила еще много лѣтъ до мирной своей кончины.

Такъ жили въ пещерѣ святые подвижники и сталъ часто ходить къ нимъ сынъ перваго Изяславова боярина Іоанна; наслаждался бесѣдою ихъ и захотѣлъ, презрѣвъ славу и богатство міра сего, поселиться съ ними и сказалъ о томъ Антонію. «Хорошее твое желаніе, чадо,—сказалъ Антоній,—но берегись, чтобы богатство и слава опять не привлекли тебя: Господь сказалъ: «никто же возложъ руки своея на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи небесномъ», такъ и монахъ, который мыслію обращается къ міру и заботится о мірскомъ, не внидетъ въ жизнь вѣчную». Много еще говорилъ онъ юношѣ, а въ юношѣ еще болѣе усилилось желаніе вступить въ монастырь. Ушелъ онъ домой, а на другой день, одѣвшись въ лучшее платье, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ старцу; за нимъ рабы вели другого коня. Когда пріѣхалъ онъ къ монастырю, старцы вышли ему на встрѣчу и поклонились, какъ тогда кланялись вельможѣ, а онъ сошелъ съ коня, снялъ съ себя одежду и, положивъ ее у ногъ старца, сказалъ: «Все это, отче, прелесть міра сего; дѣлай съ ними что хочешь, а я уже все презрѣлъ; хочу быть монахомъ, не возвращусь въ домъ свой и останусь жить съ вами въ пещерѣ». Сказалъ ему на то Антоній: «Берегись, чадо! кому обѣщаешься, чьимъ воиномъ

хочешь быть? Ангелы слышатъ обѣты твои, а вдругъ придетъ твой отецъ, силою уведетъ тебя, а мы тебѣ помочь не можемъ, и солжешь ты предъ Господомъ». — «Вѣрую Богу моему, отче — сказалъ юноша—если отецъ и мучить меня станетъ, не послушаю его, не возвращусь въ міръ. Прошу тебя, отче, вели скорѣе постричь меня». Велѣлъ Антоній Никону постричь его, и дали ему имя Варлаамъ. Пришелъ тогда же къ старцамъ любимецъ князя, который поручалъ ему весь свой домъ, и сталъ просить Антонія постричь его; постригли его и назвали Ефремомъ. Узналъ Изяславъ о постриженіи Варлаама и Ефрема, сильно разгнѣвался и тотчасъ повелѣлъ привести къ себѣ одного изъ старцевъ, и привели къ нему Никона. Взглянувъ на старца съ гнѣвомъ, князь спросилъ его: «Ты ли постригъ боярина моего безъ повелѣнія моего?»—«Благодатію Божіею я постригъ—отвѣчалъ Никонъ—повелѣніемъ Царя небеснаго, Іисуса Христа, призвавшаго его на такой подвигъ».—«Или увѣщай его возвратиться домой—сказалъ князь—или сошлю всѣхъ васъ въ заточеніе, а пещеру вашу раскопаю».—«Какъ угодно тебѣ, владыко—сказалъ Никонъ—такъ и дѣлай, только не мнѣ отвращать воина отъ Царя небеснаго». Пока Никонъ былъ у князя, Антоній и братья, взявъ свои одежды, ушли изъ Кіева. Къ князю пришелъ нѣкто изъ дружины и сказалъ объ уходѣ старцевъ; тогда княгиня уговорила своего мужа воротить ихъ. Изяславъ послушался, отпустилъ Никона, а за Антоніемъ послалъ вслѣдъ съ просьбою вернуться. Три дня уговаривали старцевъ и наконецъ они согласились. Узналъ бояринъ

Іоаннъ, что князь ничего не сдѣлалъ старцамъ, собралъ слугъ своихъ и пошелъ къ пещерамъ. Пріѣхавши, разогналъ монаховъ, схватилъ своего сына, увелъ его съ собою, снялъ съ него мантію и клобукъ и кинулъ ихъ въ оврагъ; а потомъ одѣлъ его въ платье боярское. Варлаамъ же сбросилъ съ себя это платье; опять одѣли его, онъ опять сбросилъ и повторялъ это нѣсколько разъ. Разсердился отецъ и велѣлъ связать ему руки и связаннаго вести его по городу. Варлаамъ по дорогѣ увидалъ грязную яму, скинулъ въ нее свое платье и сталъ попирать его ногами. Когда пришли домой, отецъ посадилъ его за столъ; онъ же сидѣлъ, не ѣлъ ничего и смотрѣлъ въ землю. Послѣ обѣда отпустилъ его отецъ въ его комнату и велѣлъ присматривать, чтобы онъ не ушелъ. Пришла къ нему и жена уговаривать его. Варлаамъ же сѣлъ въ уголъ и просидѣлъ такъ три дня. На четвертый день пришли сказать боярину, что сынъ не ѣстъ и не пьетъ три дня. Сжалился онъ надъ нимъ и отпустилъ его въ пещеру. Весь домъ шелъ провожать его съ плачемъ, какъ мертваго; въ пещерѣ же встрѣтили его отцы съ радостью.

Приходящихъ къ Антонію становилось все больше и больше, и хотя нѣкоторые ушли изъ пещеръ—*Никонъ* въ Тмуторокань, *Ефремъ*—въ Царьградъ, все-таки скоро собралось до пятнадцати братій. Тогда Ѳеодосій, по повелѣнію Антонія, былъ поставленъ въ священники, а самъ Антоній, не терпя шума и говора и любя уединеніе, затворился въ одной изъ келій пещеры, а игуменомъ поставилъ *Варлаама*. А потомъ ушелъ Антоній на другой холмъ и выко-

палъ тамъ пещеру, гдѣ и теперь покоятся его святыя мощи. Варлаамъ же поставилъ надъ пещерою небольшую церковь св. Богородицы, куда сходились братья на общую молитву. Съ-тѣхъ-поръ всѣ начали знать *Печерскую обитель*.

Жизнь въ пещерѣ была тѣсная и скудная; ѣли отшельники только хлѣбъ съ водою, а въ субботу и воскресенье варили себѣ чечевицу; а если ея не было, то варили зелень. Плели они изъ шерсти камилавки и клобуки и носили ихъ продавать въ городъ, покупали на эти деньги хлѣбъ въ зернахъ, который и раздѣляли между собой, а ночью каждый смалывалъ свою часть на ручной мельницѣ (сначала люди толкли хлѣбныя зерна въ ступѣ, потомъ придумали ручныя мельницы, а послѣ уже вѣтряныя и водяныя); потомъ пѣли заутреню, а послѣ каждый занимался своимъ дѣломъ: кто плелъ, кто копалъ въ огородѣ, и такъ продолжали до обѣдни; послѣ обѣдни каждый съѣдалъ немного хлѣба и шелъ на свою работу. Такъ жили въ пещерѣ; святой же Ѳеодосій былъ ревностнѣе всѣхъ: носилъ воду, дрова изъ лѣсу, ночью же молился. Случалось иногда ему видѣть, что кто-нибудь изъ братьи не смололъ своего зерна и уснулъ: возметъ за него то зерно Ѳеодосій и смелетъ.

Когда князь перевелъ Варлаама игуменомъ въ обитель св. Дмитрія, имъ построенную, собрались братья и выбрали себѣ въ игумены Ѳеодосія. Ѳеодосій, ставъ игуменомъ, остался по прежнему смиреннымъ: помнилъ онъ евангельское слово: «кто изъ васъ хочетъ быть старшимъ, пусть будетъ меньше всѣхъ и всѣмъ слуга». Стала тогда обитель еще больше воз-

растать; братіи все прибавлялось; приходили многіе богатые люди просить благословенія и приносили отъ себя дары. Видя, что въ пещерѣ уже слишкомъ тѣсно, выбралъ Ѳеодосій мѣсто на горѣ; пошли братья къ Антонію и сказали ему: «Отче, братіи стало больше, хотимъ поставить монастырь». Антоній отвѣчалъ: «Благословенъ Богъ обо всемъ; да будетъ съ вами молитва св. Богородицы и отцевъ Св. горы», и послалъ къ Изяславу: «Богъ умножаетъ братью, а мѣста у насъ мало, отдай намъ гору». Изяславъ отдалъ имъ гору. Поставилъ Ѳеодосій церковь, обвелъ оградой и поставилъ много келій. Въ 1062 г. освятили новую церковь и перешли въ монастырь. Тогда же введено и общежительное житіе по уставу царе-градскаго Студійскаго монастыря.

Въ обители все совершалось по благословенію игумена и освящалось молитвою. Когда наступало время службы церковной, одинъ изъ пономарей приходилъ въ келью преподобнаго Ѳеодосія и просилъ у него благословенія созывать братію. Точно такъ же, когда поваръ собирался варить пищу, онъ прежде приходилъ за благословеніемъ къ игумену, потомъ клалъ три земные поклона у алтаря, зажигалъ у того алтаря свѣчу и ею разводилъ огонь. Кто что-нибудь сдѣлалъ безъ благословенія, на того игуменъ накладывалъ эпитимію; а пищу, приготовленную безъ благословенія, Ѳеодосій приказывалъ бросать въ огонь или въ рѣку.

Въ келіяхъ не позволялось братіи держать ничего своего: ни пищи, ни одежды, сверхъ положенной, ни какого другого имущества. Если преподобный Ѳео-

досій, обходя кельи, находилъ что-нибудь такое, то приказывалъ кидать въ огонь, а провинившемуся брату давалъ наставленіе.

Въ келіяхъ братья должны были молиться, пѣть псалмы или заниматься рукодѣліемъ; послѣ вечерни запрещено было ходить другъ къ другу въ келью бесѣдовать. Если Ѳеодосій, обходя ночью кельи, слышалъ молитву, то благодарилъ Бога; а если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, то стучалъ въ дверь и уходилъ. На утро призывалъ виноватыхъ и уличалъ въ грѣхѣ: кто покается, того прощалъ, а другимъ назначалъ эпитимію.

Ночью братія молилась; для отдыха назначенъ былъ полдень, когда запирались монастырскія ворота и до вечерни никого не впускали въ монастырь. Разъ въ полдень пришелъ къ монастырю князь Изяславъ. Пріѣхавъ къ воротамъ, онъ сошелъ съ коня потому, что никогда не въѣзжалъ верхомъ на монастырскій дворъ. Остановясь, князь велѣлъ отворить ворота; но братъ, стоявшій у воротъ, сказалъ ему, что игуменъ не велѣлъ никого ни пускать въ монастырь, ни выпускать оттуда до вечерни. «Это я—сказалъ Изяславъ—пусти одного меня». Инокъ, не узнавъ князя, сказалъ: «Я уже говорилъ тебѣ, что велѣно мнѣ отъ игумена не отворять воротъ, даже если бы пришелъ самъ князь; если хочешь, потерпи до вечерни». «Я князь! развѣ ты и мнѣ не отворишь?» Поглядѣлъ инокъ и узналъ князя, но воротъ не отворилъ, а пошелъ къ игумену. Ѳеодосій пришелъ самъ, увидалъ князя и поклонился ему. «Правду ли, отче—спросилъ князь—говоритъ, что ты не велѣлъ пускать и кня-

зя?»—«Я далъ такое повелѣніе—отвѣчалъ Ѳеодосій —для-того, чтобы иноки не выходили въ такое время; а твоему приходу мы всегда рады». Тогда вошли они оба и начали бесѣдовать.

Много поучалъ Ѳеодосій своими наставленіями, еще больше поучалъ своимъ примѣромъ. Ѣлъ онъ только сухой хлѣбъ, или вареную зелень безъ масла, пилъ только воду; ночи проводилъ въ молитвѣ; въ великомъ посту до вербной недѣли уходилъ въ пещеру, которая теперь называется Ѳеодосіевою; въ пятницу передъ Лазаревою субботою, во время вечерни, возвращался въ монастырь и, ставъ въ дверяхъ церковныхъ, поучалъ братію. Въ работахъ онъ помогалъ братіи, пособлялъ даже хлѣбы печь и никогда не зналъ ни усталости, ни отдыха: былъ онъ крѣпокъ и силенъ тѣломъ. Пришелъ къ нему однажды келарь и сказалъ, что некому носить воду. Ѳеодосій всталъ ни мало не медля и началъ носить воду изъ колодца; увидалъ это одинъ изъ братіи, сказалъ другимъ—и всѣ пришли помогать игумену и наносили воды даже больше, чѣмъ нужно. Въ другой разъ не было дровъ. Пришелъ келарь къ Ѳеодосію и сказалъ: «Повели тому изъ братьи, который празденъ, наносить дровъ».—«Я праздень», сказалъ Ѳеодосій, взялъ топоръ и пошелъ рубить дрова, а братіи приказалъ идти обѣдать. Братія, окончивъ трапезу, увидали, что игуменъ рубитъ дрова, взяли топоры и нарубили столько дровъ, что ихъ стало на много дней. Случилось разъ Ѳеодосію долго просидѣть у Изяслава, который въ то время былъ гдѣ-то за Кіевомъ; такъ какъ наступала ночь, то князь велѣлъ заложить повозку и свезти преподобнаго въ

монастырь. По дорогѣ слуга, незнавшій кого онъ везетъ и по худому платью считавшій Ѳеодосія за простаго монаха, сказалъ ему: «Черноризецъ! ты всегда празденъ, а я работаю и не могу отъ усталости ѣхать на конѣ; садись ты на коня, а я лягу въ повозку». Ѳеодосій, не говоря ни слова, такъ и сдѣлалъ. Начинало разсвѣтать; стали имъ по дорогѣ попадаться бояре, которые ѣхали къ князю; бояре, узнавъ преподобнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Тогда Ѳеодосій сказалъ: «Теперь уже утро, чадо, садись на коня». Увидавши, что бояре кланяются Ѳеодосію, испугался слуга и пересѣлъ на коня; еще больше испугался, когда подъѣхавши къ воротамъ монастыря, увидалъ, что черноризцы вышли и поклонилися игумну въ ноги. Ѳеодосій же взялъ его за руку, велѣлъ накормить и далъ ему еще денегъ. Разсказалъ объ этомъ самъ повозникъ; Ѳеодосій же никому не говорилъ о томъ. Ѳеодосій былъ милосердъ: близъ монастыря велѣлъ онъ построить особый дворъ съ церковью во имя первомученика Стефана, и принималъ туда нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ, и на содержаніе ихъ отпускалъ десятую долю всего монастырскаго имущества. Каждую субботу посылалъ онъ возъ хлѣба заключеннымъ въ темницы. Милостивъ онъ былъ и къ тѣмъ, кто дѣлалъ зло обители. Разъ поймали воровъ въ монастырскомъ селѣ и привели ихъ къ Ѳеодосію. Онъ велѣлъ ихъ развязать и накормить и сталъ поучать ихъ, чтобы впередъ они никому не дѣлали зла. Потомъ отпустилъ, надѣливъ всѣмъ нужнымъ. Всѣ неправедно обиженные шли къ Ѳеодосію, какъ къ своему заступнику. Пришла разъ вдова, ко-

торую обидѣлъ судья неправедный; на встрѣчу ей попался Ѳеодосій; не узнавъ его, вдова спросила: «Гдѣ игуменъ?»—«Зачѣмъ онъ тебѣ? сказалъ Ѳеодосій, онъ человѣкъ грѣшный?»—«Грѣшенъ онъ или нѣтъ, не знаю—отвѣчала вдова—знаю только, что онъ многихъ избавилъ отъ печали и напасти; пришла и я просить у него заступленія». Ѳеодосій обѣщалъ сказать игумену; вдова разсказала свои дѣла; тогда пошелъ онъ къ судьѣ и добился того, чтобъ все неправедно отнятое было отдано назадъ.

Въ 1069 г. большое горе постигло обитель Печерскую. Князь Изяславъ разсердился на Антонія и, боясь его гнѣва, Святославъ, братъ его, взялъ Антонія ночью и увезъ къ себѣ въ Черниговъ, гдѣ онъ выкопалъ себѣ пещеру въ Болдиныхъ горахъ; на мѣстѣ томъ послѣ былъ монастырь, который теперь закрытъ. Послѣ Антоній опять возвратился въ Кіевъ. Случилось это вотъ какъ. Всеславъ, князь полоцкій, внукъ Рогнѣды, о которой уже говорено, напалъ на Новгородъ. Изяславъ и братья его пошли помогать новгородцамъ, разбили Всеслава; потомъ звали его къ себѣ, обѣщавши подъ присягою не дѣлать ему зла. Всеславъ повѣрилъ имъ, пришелъ, а они захватили его и посадили въ темницу. Этого-то и не одобрялъ Антоній. Потомъ когда напали на Русь половцы, новый кочевой народъ, появившійся тамъ, гдѣ когда-то бродили печенѣги, и выгнавшій ихъ, князья, выступившіе противъ нихъ, пришли просить благословенія у старца. Онъ сказалъ имъ, что половцы разобьютъ ихъ. Такъ и случилось. Изяславъ и Всеволодъ бѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черни-

говъ. Собрались кіевляне на сходку на площади и послали сказать князю: «Половцы разошлись по всей землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней, мы пойдемъ биться съ ними». Не послушался Изяславъ; тогда въ народѣ началось большое смятеніе: одни пошли къ княжому двору, другіе—къ тюрьмѣ. Князь сидѣлъ въ сѣняхъ; народъ началъ съ нимъ спорить; а въ это время одинъ изъ бояръ княжескихъ увидалъ, что другіе идутъ къ тюрьмѣ, и сказалъ князю: «Пошли стеречь Всеслава». Когда народъ подходилъ уже къ тюрьмѣ, дружина сказала князю: «Пошли вызвать Всеслава хитростью къ окошку и убить его». Князь послушался, а народъ, въ то время сломавъ тюрьму, уже выпустилъ Всеслава. Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева, а Всеславъ сдѣлался княземъ. Пошелъ Изяславъ въ Польшу и черезъ семь мѣсяцевъ возвратился на Русь съ Болеславомъ польскимъ. Вышелъ противъ него Всеславъ къ Бѣлгороду (около Кіева) да ночью и бѣжалъ въ Полоцкъ. Увидали кіевляне, что Всеславъ бѣжалъ, собрались на сходку и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Дурно мы сдѣлали, что прогнали князя; а теперь онъ идетъ на насъ съ ляхами. Подите въ городъ отца вашего; а если не пойдете, то мы сожжемъ городъ и уйдемъ въ Грецію—больше намъ дѣлать нечего». Святославъ отвѣчалъ имъ: «Пошлите къ брату; если придетъ съ ляхами губить васъ, то мы пойдемъ на него ратью, не дадимъ погубить отцовскаго стольнаго города; если придетъ съ миромъ, то пусть идетъ съ малою дружиною». Утѣшились кіевляне, а Святославъ и Всеволодъ послали сказать брату: «Всеславъ бѣжалъ,

противника у тебя нѣтъ, не води ляховъ; а если хочешь погубить Кіевъ и гнѣваться, то знай, что намъ жаль отцовскаго города». Услыхавъ это, Изяславъ пошелъ къ Кіеву съ Болеславомъ и небольшою дружиною, а передъ собою послалъ сына своего Мстислава. Пришелъ Мстиславъ въ Кіевъ, изрубилъ 70 человѣкъ изъ тѣхъ, которые выпустили Всеслава, другихъ ослѣпилъ; попадались и невинные. Ляховъ, разставленныхъ по городамъ, народъ сталъ избивать; тогда Болеславъ ушелъ въ Польшу; Изяславъ пошолъ къ Полоцку, выгналъ Всеслава и посадилъ въ Полоцкѣ своего сына. Послѣ, однако, Всеславъ опять вернулся. Покончивъ со всѣми своими врагами, вспомнилъ Изяславъ объ Антоніѣ, тогда-то и спасъ его Святославъ.

Не долго оставался спокойнымъ Изяславъ. Святославъ, желая болѣе власти, обольстилъ Всеволода, пославши сказать ему: «Изяславъ совѣтуется противъ насъ со Всеславомъ; если мы его не выгонимъ, то онъ насъ выгонитъ», и выгнали Изяслава. Пошелъ Изяславъ къ ляхамъ, захвативъ съ собою много денегъ и надѣясь на тѣ деньги добыть помощь, да неудалось ему, Долго ходилъ онъ по разнымъ землямъ, возвратился въ Кіевъ только тогда, когда умеръ Святославъ (въ 1077 г.)

Изгнавши брата, Святославъ и Всеволодъ стали искать поддержки въ Ѳеодосіѣ Печерскомъ; послали звать его къ себѣ обѣдать, но Ѳеодосій отвѣчалъ: «Не вкушу брашна, исполненнаго крови и убійства, и не пойду на трапезу Іезавелѣину». (Іезавель, царица израильская, извѣстна своимъ нечестіемъ, ненавистью

къ пророкамъ и въ особенности къ жившему тогда пророку Иліи, а наконецъ своею ужасною кончиною: она выброшена была изъ окошка и съѣдена собаками). Послѣ того не разъ Ѳеодосій обличалъ Святослава: написалъ къ нему письмо и говорилъ въ томъ письмѣ; «Кровь брата вопіетъ на тебя къ Богу, какъ кровь Авелева на Каина». Разгнѣвался Святославъ и бросилъ письмо на землю. Стали говорить, что Ѳеодосій будетъ сосланъ въ заточеніе. Ѳеодосій съ радостью готовился принять мученіе за правду; но Святославъ побоялся тронуть праведника, хотя Ѳеодосій долго не велѣлъ поминать его на эктеніяхъ, а поминалъ Изяслава, и только по общей просьбѣ велѣлъ поминать его послѣ Изяслава. Тогда пересталъ онъ и обличать, надѣясь тронуть Святослава просьбою. Святославъ, который давно хотѣлъ побесѣдовать съ Ѳеодосіемъ, узнавъ, что онъ пересталъ говорить противъ него, послалъ спросить, не позволитъ ли онъ пріѣхать къ нему въ монастырь. Когда Ѳеодосій дозволилъ, Святославъ пришелъ. Ѳеодосій съ братіею вышелъ къ нему на встрѣчу и поклонился. «Отче! сказалъ Святославъ, не смѣлъ я придти къ тебѣ въ монастырь: думалъ, что ты гнѣваешься на меня и не пустишь въ монастырь». —«Что нашъ гнѣвъ для твоей власти, добрый князь!» отвѣчалъ Ѳеодосій, «наше дѣло сказать вамъ, что̀ нужно для спасенія души, а ваше дѣло послушать». Вошли они въ монастырь и стали говорить. Ѳеодосій говорилъ ему отъ священнаго писанія, что нужно любить брата; а Святославъ складывалъ всю вину на брата и не хотѣлъ съ нимъ помириться. Много разъ послѣ ходилъ Ѳеодосій къ Святославу и увѣщевалъ

помириться съ братомъ, но всегда безуспѣшно. Хотя Святославъ такъ любилъ Ѳеодосія, что говорилъ ему: «Отче! правду говорю тебѣ, что еслибы сказали мнѣ, что отецъ всталъ изъ гроба, не такъ бы я обрадовался этому, какъ твоему приходу; не боялся бы его и не смущался бы такъ предъ нимъ, какъ передъ тобою».—«Если такъ боишься меня,—сказалъ Ѳеодосій,—то возврати брата». Святославъ на это ничего не отвѣчалъ. Случилось разъ Ѳеодосію придти къ Святославу. Вошелъ въ комнату, сѣлъ и увидалъ передъ собою музыкантовъ: кто игралъ на гусляхъ, кто на органахъ, а иные пѣли пѣсни. Блаженный сидѣлъ, потупивъ голову, потомъ сказалъ: «Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?» Святославъ умилился, заплакалъ и съ-тѣхъ-поръ не велѣлъ играть, когда приходилъ преподобный.

Не дождался Ѳеодосій возвращенія Изяслава: онъ скончался 3-го мая 1074 г. Почувствовавъ приближеніе кончины, позвалъ Ѳеодосій братію и началъ со слезами поучать ихъ ревностно исполнять свои обязанности; потомъ благословилъ ихъ и отпустилъ. Холодъ стоялъ жестокій, но жаръ жегъ тѣло Ѳеодосія. Легъ онъ на одрѣ и сказалъ: «Да будетъ воля Божія, что угодно Богу, то и сотворитъ со мною». Сказавъ это, замолкъ и больше ничего не могъ говорить. Три дня лежалъ онъ молча, потомъ позвалъ братію и сказалъ: «Братія моя и отцы! вотъ я знаю, что время жизни моей оканчивается, какъ открылъ мнѣ Богъ отшествіе изъ сего свѣта, когда я постомъ былъ въ пещерѣ. Подумайте, кого выбрать игуменомъ послѣ меня». Они стали просить его самого назначить. Ѳео-

досій выбралъ Іакова. Братья отреклись и сказали, что Іаковъ не у нихъ постриженъ: онъ былъ прежде священникомъ на Альтѣ, гдѣ убитъ Борисъ; и выбрали они Стефана. Ѳеодосій сказалъ: «Я выбралъ вамъ по Божьему повелѣнію Іакова, но вы хотите Стефана», и, благословивъ Стефана, сказалъ: «Чадо! отдаю тебѣ монастырь: охраняй его, не нарушай преданія монастырскаго и неизмѣняй устава». Когда, на шестой день, зашелъ навѣстить его Святославъ, Ѳеодосій просилъ князя не дать въ обиду Стефана. Когда онъ скончался на восьмой день, тѣло его, по его завѣту, положили въ пещерѣ. Послѣ (въ 1091 г.) перенесли его святыя мощи въ церковь Печерскую. Не задолго до Ѳеодосія скончался Антоній.

Обитель Печерская осталась вѣрна наставленіямъ двухъ святыхъ своихъ основателей. Много вышло изъ нея и проповѣдниковъ слова Божія у язычниковъ, много и епископовъ благочестивыхъ. Такъ распространялась вѣра православная въ русской землѣ вскорѣ послѣ св. Владиміра.